

МИХАИЛ ИЛЬИЧ ХЕСИН

16+

**ТОЧКА
НЕВОЗВРАТА**

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Михаил Ильич Хесин

Точка невозврата. Из трилогии «И калитку открыли...»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65833862

SelfPub; 2021

Аннотация

Нам нравится читать, как ловко распутывают хитроумно спланированные, практически идеальные преступления мастера сыска. Рассказы о похождениях славных героев приключений с обязательно счастливым финалом в конце не могут оставить нас равнодушными. И есть лишь одна небольшая проблема – на самом деле всё происходит иначе... Я не о финале. Я о процессе. Вот и захотелось рассказать о том, как на самом деле всё происходит.

Рассказать, о чём я знаю лично. О ежедневной, даже рутинной работе сотрудников уголовного сыска, как бы они ни назывались: оперуполномоченными, инспекторами уголовного розыска или криминальной полиции. Рассказать без излишней героизации и без примитивного уничижения. А ещё и о том, что сыск, оказывается, ставит перед сотрудниками не только профессиональные вопросы, но и мировоззренческие. И если на профессиональные вопросы технология ремесла позволяет находить ответы, то на мировоззренческие – нет.

Может быть, эти ответы найдёте вы, читатели?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	53
Глава третья	80

Михаил Хесин

Точка невозврата.

Из трилогии «И калитку открыли...»

Глава первая

Прозрачность майского воздуха за окном позволяла доглядеться до края не скрытого облаками неба. Ильин готов был всматриваться в эту прозрачность часами, пытаясь уловить малейшие оттенки синевы – редкого наряда для прибалтийского неба... Но сидеть во втором ряду прямо напротив трибуны, глаза в окно, когда замполит отдела с выражением зачитывал приказ Министра внутренних дел, было бы слишком.

Приходилось отвлекаться от созерцания вечного и взамен внимать историям о профессиональной деформации отдельных сотрудников правоохранительных органов и губительных для авторитета советской милиции последствий этого. К удивлению Ильина похоже, что замполит был потрясен изложенными в приказе фактами в высшей степени и даже про-

никся, отмечая нетипичность таких проявлений вообще и их недопустимость в славном юрмальском отделе милиции в частности.

В отличие от замполита, Ильин не проникся. Нисколечко. Мало того – он даже считал, что ни автор приказа, ни воодушевленный чтец просто не понимают, что приведенные факты глупости и преступлений сотрудников никакого отношения к профессиональной деформации не имеют.

Ведь если работник пришел работать в милицию только для того, чтобы злоупотреблять властью, то никакой деформации и нет. Все происходит в строгом соответствии с поставленной изначально целью, и человек просто попался на злоупотреблениях.

А еще деформация невозможна у того работника, который пришел работать в милицию просто потому, что он – элементарный дурак и считает, что фуражка, удостоверение и пистолет: все вместе – прекрасно маскируют этот его единственный несущественный недостаток. Тут не может быть деформации потому, что она профессиональная, а дурак не бывает профессионалом.

Обо всех милицейских специальностях Ильин не рассуждал, но о психологии работников уголовного розыска он су-

дить мог. И считал, что возникнуть эта самая профдеформация может лишь у опера, который изначально был нацелен на раскрытие преступлений. И все дело лишь в смене мотивов этого. Довольно скоро ореол романтики и рыцарства сысского ремесла тускнеет в рутине и порою уступает место лишь желанию переиграть преступника и доказать свое превосходство... не ограничивая себя в средствах...

Первое облако-подросток в проеме окна обозначило возможную смену настроения майского утра. Несколькими секундами позже в окно, по-ребячьи любопытствуя, заглянуло и второе облако – братишка первого.

«Похоже, к обеду надо ждать деформации погоды, когда облака сил наберутся», – невесело размышлял Ильин, и решил было начать сочинять какой-то стишок на темы своих раздумий, чем баловался частенько, но его тут же порадовал замполит. Тем, что закрыл папку с приказом министра, зажал ее под мышкой и, обведя взглядом зал, косноязычно подвел итог озвученным им безобразиям и выводам: «Так что учтите, товарищи офицеры, в своей работе, что мы не станем попустительствовать проявлениям профессиональной деформации. Вплоть до принятия к ним самых строгих мер дисциплинарного, а если нужно, то и уголовного, товарищи, характера».

Товарищи офицеры наверняка учли и стали разбредаться по своим кабинетам, но тут начальник уголовного розыска, Гуляев, попросил Ильина зайти к нему. И уже через пять минут Ильин вышел из его кабинета и быстрым шагом направился в секретариат.

«Начальнику, конечно же, виднее, – злился он, – но какого черта я должен принимать заявку о пропавшей тетке, да и не на «моей» земле? Только потому, что розыскник сегодня дежурит и на выезде на краже? В конце концов, это вполне можно поручить и участковому», – продолжал он рассуждать о несправедливости мироустройства в масштабе горотдела милиции.

На самом деле он просто не любил всю эту писанину: заполнение дурацких форм и карточек с описанием примет пропавшего и его одежды, как будто от содержания этих карточек зависела судьба человека. А тот или загулял, что бывало частенько, и скоро придет сам, а к особым приметам добавятся какие-нибудь синяки и шишки, ранее не учтенные; или его тело со временем обнаружат – не скоро и уже в таком виде, что эти приметы, вероятно, будут не актуальны.

Опер зашел в секретариат и взял бланк протокола заявления о без вести пропавшем. Там он застал коллегу – Петровича, который темпераментно и, главное, убедительно объ-

яснял молоденькой работнице секретариата Ольге, что та должна отложить все дела и срочно отпечатать ему два постановления об отказе в возбуждении уголовных дел, а иначе начальство его убьет. А если начальство его убьет, то он, Петрович, не сможет таки жениться ни на Ольге, ни на второй работнице секретариата – Алле, хоть обеим это неоднократно уже при свидетелях и обещал, когда обращался с разного рода просьбами. Ольга хохмила и требовала немедленного ответа на главный вопрос: так какую же из двух кандидатур все-таки одобрила жена Петровича? Выбор жены Петровича остался неизвестным, так как тот в ответ разразился длинной тирадой с перечнем достоинств своей супруги, и среди прочих – исключительной ее основательности, что, конечно же, не допускает даже малейшей возможности скоропалительного принятия решений по столь важным для семьи вопросам.

Ильин забрал необходимые бланки и с сожалением вышел из помещения, наполненного треском пишущей машинки и несинхронной его настроению забавной трескотней Ольги и Петровича.

Скучно-стандартный казенный коридор вел в крыло здания, где располагались кабинеты оперуполномоченных – оперов в просторечьи, и участковых инспекторов. На крайнем из составленных рядом в коридоре стульев сидел высо-

кий статный мужчина лет пятидесяти.

– Вы Фролов? – обратился к нему Ильин.

– Нет. Неправильно. Фрольцов моя фамилия, Фрольцов.

Опер извинился за неточность и пригласил мужчину в кабинет.

– Фрольцов я, – снова уточнил мужчина. И добавил: – Фрольцов Леонид Семенович, пришел сделать заявление о пропаже своей жены Фрольцовой Антонины Александровны.

Мужчина не казался взволнованным, скорее, подавленным. Подавленным до той степени, когда приходит уже смиренное безразличие.

– А давно пропала ваша жена? – стандартно задал первый «дежурный» вопрос Ильин и приготовился задать «второй дежурный» об обстоятельствах пропажи, но ответ Фрольцова заставил опера положить ручку на стол, оторваться от протокола и внимательно посмотреть на пришедшего.

– В конце марта. 24 марта, если быть точным, – так же ровно и безразлично ответил заявитель.

Фрольцов сидел на стуле сбоку от стола Ильина. Смот-

рел он не на заявление, не на собеседника, а прямо перед собой. Ильин даже отметил, что, в отличие от всех посетителей, приходивших к нему в кабинет впервые, – этот даже не стал осматриваться. А в кабинете у опера всегда есть за что взглядом зацепиться. Фрольцов же вошел, представился, прошел к стулу и сел в той же позе покорного и безучастного ожидания, в какой Ильин его увидел в коридоре.

– Подождите! Но ведь почти два месяца прошло! Почему же так поздно? – Ильин пытался смотреть Фрольцову прямо в глаза, но тот как зафиксировал взгляд на чем-то в пространстве строго перед собой, так и продолжал это что-то, лишь ему видимое, безучастно рассматривать.

– А не мог я раньше, – ответил он. – Сначала все ждал, что придет, а потом в больнице был, целых полтора месяца.

– Что за больница, что с вами случилось? – спросил Ильин, а сам подумал, что чушь какую-то несет этот Фрольцов, что же он там: без сознания, что ли, в коме валялся?

– Что случилось? – повторил вопрос Фрольцов. – А я и сам точно не помню, что случилось. Мне говорили, что меня в реке увидели. В Майори, в реке я был. Оттуда и подобрали.

Отвечал он, не меняя выражения лица и темпа речи. Опер молчал. Фрольцов тоже. Опер рассматривал Фрольцова, Фрольцов свое нечто. И тут вдруг до Ильина дошло, что Фрольцов на самом-то деле и «нечто» в метре от себя не ви-

дит. Не исходит из его глаз то незримое и невесомое, что как-то умудряется проникнуть к нам в спинной мозг и, видимо, замкнув там какое-то реле, посылает сигнал головному... и мы оборачиваемся. Без оклика. Без видимого знака. Не исходило ничего из глаз Фрольцова. Но не были они тусклыми, как у покойника, и не были они глазами безумца, которые источают еще и как, но без фокуса – сразу во все стороны, отчего и страшно, так как не ясно, на что же на самом деле направлен взгляд безумца.

- Рассказывайте по порядку, – нарушил тишину Ильин.
- Нет, лучше вы спрашивайте, а я буду отвечать.
- Итак, вас увидели в реке?
- Да.
- А какого числа это было?

Фрольцов заговорил, почему-то все понижая и понижая голос и с перерывами: «Первого апреля... Еще и санитары смеялись, что в день дурака им меня доставили... Меня в психушку отвезли, на Твайку...» И продолжил рассказ о том, как его лечили. И какие там больные. Как оттуда не выйти никак по своей воле... А потом он вдруг повернулся к Ильину и, посмотрев тому прямо в глаза, почти крикнул: «Я в одежде был! Понимаете? В одежде в реку пошел! В марте! Жить не хотел!» После этого замолчал, даже как-то вроде и удивился этому своему вскрику-выплеску боли, потом ли-

цо его искажилось и он разрыдался, приговаривая: «Тонечка, где же ты, моя Тонечка? Где же ты теперь?»

В кабинете у опера плачут часто. Плачут и заявители, плачут и злодеи, которые прежде были причиной слез заявителя. Плачут родители несовершеннолетних потерпевших и плачут родители несовершеннолетних преступников. Плачут совсем искренне и плачут совсем неискренне. Фрольцов плакал искренне. Так, как может плакать взрослый пятидесятилетний мужчина. Закрыв лицо руками и сдерживая рыдания. Ильин встал, налил воды из графина и подал заявителю. Фрольцов выпил почти полный стакан, потом достал носовой платок из кармана и остатки воды вылил на него. Влажным платком обтер лицо и шею, приоткрыв простенький нательный крестик на таком же простеньком шнурке. Ильин, чтобы отвлечь заявителя, спросил его о роде занятий.

– Да какой уж там род занятий – пенсионер я, военный пенсионер. Четыре года как на пенсии, – взяв себя в руки, но все еще всхлипывая, ответил заявитель.

– Вот как? – удивился опер. – А я думал, что вы всю жизнь физическим трудом занимались, глядя на вас – атлета.

– Да какой уж теперь... атлет, – повторил Фрольцов. – Это раньше, по молодости. Гиревик я... был. С юности занимался. Победы были. Призы получал. Все... было. А сейчас нет ничего...

– Служили где? – продолжал задавать вопросы не по теме Ильин.

– Служил? В штабе округа служил, начальником ревизионной группы в службе тыла... Был... Подполковником ушел на пенсию.

Фрольцов рассказывал и даже немного оживился, стал с интересом смотреть на Ильина, который, казалось, слушал невнимательно и вроде рассеянно искал что-то в ящиках стола, перебирал бумаги на столе, раскладывал их так, потом по-другому, но при этом все время задавал Фрольцову вопросы, не имевшие прямого отношения к теме визита. В результате Фрольцов рассказал, что до его увольнения из армии на пенсию жили они с женой очень хорошо. Детей у них, правда, не было – так случилось, что сделали они одну глупость в свое время, – вот и не смогла его Антонина больше иметь детей. А глупость тогда эту сделали потому, что не хотели, чтобы сразу дети пошли, вот думали, когда денег поднакопят... Деньги появились, а дети – нет... Перевели его на службу в Ригу, в округ – сначала квартиру снимали. А потом, когда денег наконец поднакопили, то купили домик в Юрмале, но не у моря, а где подешевле – со стороны реки, в Пумпури. Да практически на берегу. Вот домом и занимались. Жена нигде не работала – забот и так хватало. Должность позволяла прилично зарабатывать, ну, к тому же и ревизии в частях, сами понимаете: ни со стройматериала-

ми, да и вообще ни с чем проблем не было, чего уж скрывать.

Когда Фрольцов стал рассказывать о своей прошлой жизни, отвечая на вопросы Ильина, то делал это медленно, разбивая каждое предложение на несколько слов, произносимых вместе, потом шумный вдох, выдох и опять несколько слов и снова вдох-выдох-вдох, чтобы вытолкнуть следующие несколько слов. Фрольцову не очень-то хотелось рассказывать о своей жизни, но дотошный опер все спрашивал и спрашивал.

– А вышли на пенсию – и все изменилось... – не то спросил, не то просто продолжил рассказ заявителя Ильин.

– Да! Все изменилось... Денег стало сильно меньше... Скандалов стало больше. Ведь вы же посмотрели у вас там в картотеках, наверняка.

– Не без этого, – не моргнув глазом, соврал Ильин и добавил: – Но знаете, ведь картотеки – это просто информация. И интерпретировать ее можно как угодно, поэтому хотелось бы услышать рассказ из первых уст.

Фрольцов опять внимательно посмотрел на опера и безразлично проронил, что рассказывать ничего не будет, что только вчера вышел из больницы и дома дел по хозяйству невпроворот. А поэтому пора бы и приступить к оформлению протокола, а о проблемах в его жизни он достаточно на-

говорился уже с медперсоналом психбольницы. Видно было, что Фрольцов действительно взял себя в руки и стал даже раздражаться. Ильин поспешил его успокоить и подтвердил его правоту о необходимости заполнения протокола. Поднялся и стал собирать различные бумаги в папку. Когда папка была сложена, спросил у продолжавшего сидеть Фрольцова:

– Что же вы сидите, поехали.

– Куда поехали? – удивился Фрольцов и заметно было, что уже почти вернувшееся к нему самообладание вновь готово его покинуть вместе с остатками терпения к странностям Ильина.

– Так к вам домой. Там все и напишем и осмотрим дом, вещи жены посмотрим, чтобы узнать, во что она была одета, когда исчезла, да и мало ли что еще увидим.

Фрольцов, явно, был очень удивлен и даже раздражен, но только пожал плечами.

Ильин, к радости водителя закрепленной за уголовным розыском «Латвии», выпросил у начальника и машину, и водителя и дал команду «на выдвижение» к дому Фрольцова. Оперу нравилось полушутя использовать выражение «выдвигаемся», а не обычное «поехали», так как первый глагол, по его мнению, знаменовал начало более ответственного

процесса. «Поехали» можно сказать и гражданскому таксисту, а в розыске все были при погонах.

Дом действительно стоял у реки. В Пумпури. Это был типичный небольшой одноэтажный домик, обшитый крашеной вагонкой с характерной юрмальской полукруглой фаской. Как и большинство его архитектурных собратьев, стоял он на кирпичном, с выбоинами и трещинами, фундаменте. При доме – примерно три сотки земли с некошенной еще в этом году травой и уложенными от калитки до входа бетонными плитками. Комнат было три: гостиная, одна спальня и гостевая. Да плюс еще и веранда, захламленная каким-то старьем. В кухне газовая плита с баллонным газом и редкий по тем временам, явно импортный набор кухонной мебели. Убранство и мебель кухни и комнат очевидно свидетельствовали о былой принадлежности к категории дефицитной, доставаемой «по благу». Сами же комнаты требовали, как минимум, серьезной генеральной уборки, с тщательным проветриванием. Если эти процедуры повторить многократно, то был шанс со временем избавиться от устойчивого запаха притона. Ильину по по роду его деятельности этот запах был хорошо известен и он всегда удивлялся тому обстоятельству, что пропорции ингредиентов, порождавших его были не сильно важны и он всегда был одинаков, лишь бы присутствовали все составные компоненты. Это специфическая смесь запахов пустых бутылок из-под дешевого алко-

ля, давно не опорожняемого мусорного ведра, непрочищенного слива кухонной раковины и затхлых тканей, забитых старой пылью и следами жизнедеятельности мух. Запах притона постепенно впитывается во все, что находится в таком помещении, и несет в себе какую-то чрезвычайно сильную негативную информацию, отчего и воздействует особым образом на человеческую психику. Угнетает, доводя до депрессии.

Ильин отметил про себя, что Фрольцов этот запах в его кабинет не принес, а значит, его отмыли в больнице и привели в порядок его одежду. Хорошо же он был пару месяцев тому назад, когда вышел из дому и направился к реке. И такое падение за каких-то четыре года?

Ситуация была очевидной, и Ильин без обиняков поинтересовался:

– А жена тоже выпивала?

– Это я – «тоже», – ответил хозяин дома. – Пока я служил, она как-то держалась еще, а когда все кончилось... то все и кончилось, один алкоголь остался. На этой почве и были у нас конфликты. Но это раньше, когда я еще изменить ее хотел, а последний год – уже и не хотел. Привык. Или смирился. Или сам стал таким же. Ведь как в народе-то говорят: муж и жена – одна сатана.

– А жена упрекала вас, конечно, за то, что вы нигде не работаете сейчас?

Фрольцову надоел уже этот назойливый милиционер.

– Да много за что она меня упрекала. Какая вам разница? Пишите ваш протокол. Я устал уже.

Ильин занялся протоколом заявления о пропавшем без вести. Фрольцов не стал скрывать, что в последний вечер он снова ссорился с женой. Во время ссоры она ушла из дома, и больше он ее не видел.

Оформив протокол, опер сказал заявителю, что раз последнее место, где видели его жену, это их дом, то надо составить и протокол осмотра места происшествия. То есть осмотреть дом, а для этого нужно позвать понятых – соседей. Фрольцов, до этой минуты опять довольно безучастно отвечавший на вопросы Ильина о приметах пропавшей жены, ее одежде и обстоятельствах пропажи, посмотрел на Ильина с явным вызовом. Сказал, что обязательно будет жаловаться на действия опера, и пошел звать соседей.

Все мы всегда соседи друг другу. Бываем добрыми соседями, с которыми приятно поболтать ни о чем; бываем незаметными, а общение ограничиваем вежливым и вполне ис-

черпывающим характер наших отношений едва заметным кивком, если невозможно сделать вид, что соседа не заметил. Но ситуация, когда сосед – понятой, иная. Она выводит обычное соседство за рамки быта, и сосед-понятой вступает на поле официальных отношений с вами через посредника – закон и его представителей. Поэтому и соседи, став понятыми, разделяются на две основные категории – на тех, кто стесняется этого своего вынужденного процессуального статуса и сопутствующего ему гражданского долга, и на тех, кто ими преисполняется. Ильин тоже вышел из дома на участок и стал с интересом гадать, встреча с каким типажом уготована ему на этот раз.

А на улице всю разгулялся май. Из двенадцати месяцев года Ильин недолюбливал лишь два. Ноябрь – за то, что он явно лишний: скучный бездельник, затесавшийся между деловитым октябрем, с первого числа до последнего занятым изменением всего произрастающего в наших широтах, и веселым до состояния радостной возбужденности декабрем. Это приятное состояние сопровождает последний месяц года, невзирая на то, что бы ни посылали прибалтийские небеса в декабре на землю – хоть пушистые, вальсирующие перед глазами снежинки, хоть колючие, злые, укусами впивающиеся в нос и щеки градинки, а хоть и до оторопи холодные и неприятные, словно умершие, дождевые капли. Прибалтийский климат – он как плохой хозяйственник: в декабре ста-

рается израсходовать не израсходованные за год запасы всех видов осадков.

А еще Ильин не любил февраль. И тоже считал его ненужным. Правда, бездельником этот месяц назвать трудно – он, так определял для себя Ильин, – скорее месяц-рецидивист – неспособный отказаться от своего прошлого: крещенских морозов. Но когда еще будут эти ноябрь и февраль? Ведь сейчас – май. Май – антипод октября, он старательно накладывает макияж, который так же старательно – слой за слоем, станет смывать своими прохладными дождями октябрь. А май ведь тоже дождлив, подумалось Ильину. Только майский дождь теплый, живительный. Он – живая вода из сказки, а октябрьский и уж пуще того – ноябрьский – вода мертвая.

Пока Ильин забавлялся этими размышлениями, Фрольцов выполнил неприятную миссию и привел двух понятых. Одну женщину – Людмилу Степановну из соседнего дома справа, и мужчину – Ояра Валдисовича из дома, стоявшего слева. Понятые, как показалось Ильину, относились к первому типу соседей-понятых и заметно своей обязанностью тяготились. Людмила Степановна, правда, периодически качала головой, когда ее взгляд натыкался на самые яркие следы явного пренебрежения хозяев к процедуре влажной уборки хоть чего-нибудь, и видно было, что сильно досаждала

ее обонянию сопутствующая этому пренебрежению стойкая смесь разнообразных запахов с неведомым ей названием. Ояр Валдисович проявлял латышскую сдержанность и ничего никоим образом не комментировал. Ильин заходил во главе всей компании во все помещения дома и иногда открывал дверцы шкафов и тумбочек. Больше всего внимания он уделил веранде, заполненной, как и большинство виденных им прежде веранд, двумя категориями предметов: теми, которым на веранде и место, и теми, что когда-то принесли туда однажды на минутку, чтобы решить, куда его лучше пристроить, да так и оставили.

Как доказательства былых спортивных достижений Фрольцова на веранде в разных почему-то местах и не парами стояли гири. Две двухпудовые, две полупудовые и одна пудовая.

– А чего же эта пудовая без близняшки, сломали вторую или потеряли, – пошутил Ильин, – или у вас ее украли?

Фрольцов ответил не сразу, так как тут же в разговор встряла отвлекшаяся от гнетущих ее картин и запахов Людмила Степановна:

– А чему ж тут удивляться-то, так сейчас все воруют! Вот у меня кроликов украли со двора из крольчатника, так

участковый наш написал в своем постановлении, что я, мол, за кроликами ухаживала плохо и клетки не закрывала. Вот ушастые и дали деру от такой хозяйки. Так и свидетелей каких-то приписал. Вот ей-богу – так и написал, чтобы дело не заводить. А я так думаю, что свидетели эти моих кролей-то и умыкнули... А недели за две до этого, вот прямо в ночь, когда Антонина пропала, у соседки через дорогу из сарая электроинструменты умыкнули, так она заявление даже и не писала – толку-то?

Заметив, что Ильин и второй понятой не проявили должного сопереживания ее горю и беде соседки через дорогу, Людмила Степановна умолкла, дав возможность ответить Фрольцову.

– Да не знаю я, куда она подевалась. Может, и украли, может, и распилили уже.

– А ведь и правда, – сказал опер, – а вдруг и украли, поэтому давайте отметим в протоколе, что гиря отсутствует, а оставшуюся изыщем. Вдруг вторая найдется, чтобы было с чем экспертам сравнивать.

Фрольцов равнодушно пожал плечами, а потом спросил: «А разве не все гири одинаковые? Как можно определить, что одна гиря является парой второй?»

Ильин задумался. Но так как по первому образованию он был инженером, то быстро сообразил, что ответить:

– Так навряд ли чугун гири в одной партии из разных доменных печей вылит. Полную привязку одной гири к другой, конечно, установить невозможно, но вот что обе они вылиты из чугуна одной выплавки, – это элементарно. Так как все выплавки в долях процента отличаются друг от друга, – очень уверенно закончил краткое введение в прикладную металлургию Ильин. И сам поверил. – Ваши-то гири наверняка не из магазина, а из какой-то воинской части? Значит, вероятность того, что в Юрмале есть где-то гири из той же выплавки, – ничтожны.

Это были уже выводы, основанные на минимальном представлении о комбинаторике. Возможно, выдавая желаемое за действительное, но при этом искренне поверив в сказанное о возможностях экспертизы гирь, Ильин обратил внимание еще и на рыболовные снасти, которые тоже в беспорядке хранились на веранде.

– Так и лодочка, наверное, имеется? – продолжал задавать вопросы хозяину дома опер.

– А тоже – в прошлом, правда, в недавнем. Сгорела вчера лодочка, прямо на берегу. Все одно к одному.

Далее Фрольцов поведал, что утром, перед тем как идти в милицию, подошел к месту, где на берег были вытащены несколько лодок, и увидел, что именно его и сгорела. Какие-то хулиганы, наверное, костер развели в лодке, вот она и сгорела. Тут снова воодушевилась Людмила Степановна и решила развить тему бесчинствующих поджигателей, отмечая их общественную опасность вообще и особенную для деревянных жилищ граждан, чему ярчайший пример – сгоревший три года тому назад сарай свояка, проживавшего в другой части города, да к тому же и самогонщика. Далее, крайне непоследовательно, она продолжила мысль в том направлении, что сам-то свояк, а вернее, его увлечение самогонованием вероятно, и стали причиной возгорания, но, поймав взгляд Ильина, решила ограничиться сказанным и не углубляться.

Чтобы Людмила Степановна и впредь повременила с демонстрацией своих успехов в разговорном жанре, Ильин строго у нее спросил: а проинформировала ли она участкового инспектора о роковом для сарая увлечении свояка? В ответ Степановна пробормотала что-то нечленораздельное и умолкла. Для закрепления успеха Ильин с суровым выражением лица объявил, что сообщить надо обязательно и он проконтролирует. Что проконтролирует и как проконтролирует, объяснять было уже не нужно, так как по виду Людмилы Степановны стало понятно, что она зареклась уже и

рот открывать в присутствии этого милиционера-законника. Ояр Валдисович, стоявший поодаль с бесстрастным выражением лица, одобрительно улыбнулся Ильину и совсем неодобрительно посмотрел на Степановну.

– Ну что же, – опер посмотрел на Фрольцова, – в доме все, что необходимо, осмотрели и записали, теперь посмотрим на вашу лодку и на этом закончим.

Из пяти вытащенных из реки на полкорпуса лодок, действительно, лишь одна горела. Выгорели середина днища и частично борта в центре и носовой части. Ильин попросил Фрольцова принести ножовку и выпилил часть сохранившихся досок и несколько обгоревших, но уцелевших с одного края. Фрольцов помогать оперу отказался, объяснив свой отказ классическим: «Вам надо, вы и пилите». Хорошо, что Ояр Валдисович вызвался помочь, а заодно и тихо шепнул оперу за совместной работой, чтобы никто не услышал, что подождет Ильина у своего дома, так как есть ему что сказать. Ошибся Ильин, отнеся Ояра Валдисовича к первой категории понятых.

Зафиксировав все в протоколе, опер отпустил понятых и пошел в дом вместе с заявителем. Фрольцов был очевидно измотан. Он уже и плакал сегодня, и был безучастно заторможен, потом раздражался и злился. Ильин решил, что пора

Фрольцову снова поплакать. Самое время.

«Или не время?» – сам себе задал вопрос Ильин, но отвечать не стал, чтобы не запутаться в своих жалостливых сомнениях.

«А жалость... она – чувство хорошее, от Бога она, или нет?» – лезли в голову неожиданные мысли.

А ведь ему действительно жаль было Фрольцова. Как ни странно. Он знал, как тот мог бы облегчить свою жизнь. Мог бы... но навряд ли станет. Ведь тот наверняка даже и представить себе не может, что ему еще пережить придется в этом бесконечном поиске ответов на самим же задаваемые вопросы о собственном прошлом – единственной истинной причине твоего настоящего.

«Если жалость – это форма любви, то она, конечно, от Бога!» Вот сейчас, когда он, Ильин, идет за этим эмоционально выпотрошенным Фрольцовым в его вонючий дом, чтобы заставить его плакать снова, – им что движет? Любовь к профессии? Жалость к Фрольцову и желание облегчить его участь? Или никакие не любовь и не жалость, а гордыня – желание убеждать и убедить? Или не нужно задавать самому себе вопросов, а просто нужно делать свою работу? Свое ремесло?

Размышления Ильина закончились за порогом дома пропавшей. Треклятый запах вернул его от философских раздумий о высоком на грешную, подчас и с плохим запахом, землю. Фрольцов прошел в комнату, сел на стул и спросил тихим голосом: «Что вам еще нужно?»

Ильин тоже сел. «Вы не поверите, но я хочу вам помочь...»

Фрольцов ничего не ответил и опять вперил невидящий взгляд в то же самое «никуда».

Опер внимательно посмотрел на Фрольцова и вдруг ясно ощутил, что разобрался в своих сомнениях, – он действительно хочет помочь.

– Я действительно хочу вам помочь, – повторил Ильин. – Если вы расскажете, как все случилось, то вам на самом деле станет легче.

Фрольцов сидел в той же позе. И смотрел туда же.

– Я знаю, что убийство вами не было подготовлено. Оно было спонтанным. Неважно, что произошло между вами – ссора очередная или еще что-то. Важно, что произошло все спонтанно.

Фрольцов даже и не удивился, не повернул головы, не изменил позы. Но в его взгляде в «ничто» стали проявляться оттенки чувственного осознания ужасающей невозвратности прошлого. Это – тоска, до потребности выть.

Ильин продолжил:

– О спонтанности говорит тот факт, что лодку, с которой вы труп жены в реку сбросили, вы сожгли лишь вчера. Не в день убийства, не в ночь. А лишь когда собрались в милицию идти и заявлять о пропаже. Наверное, какие-то следы на досках днища оставались?

Фрольцов сидел в той же позе и не проявлял никакой реакции на слова опера.

– Фрольцов, не молчите! Вы понимаете о чем я с вами говорю?

– Я никого не убивал... – так же тихо ответил Фрольцов.

– Да нет! Убили, убили, Фрольцов! Труп ведь всплывет. Вас потащат на опознание. И там, на опознании, вы свою жену и найдете. Ведь не нашли же ее первого апреля, когда в реку отправились? Ведь искали, искали, проститься хотели, – Ильин не повышал голоса, чтобы подчеркнуть явную

для него очевидность ситуации. Говорил спокойно, максимально ровно. Как рассказывал бы школьный топик о том, как кто-то обыденно проводил свой выходной день.

– Я никого не убивал, – повторил Фрольцов. Он в этот момент был похож не на живого человека, а на его восковую копию. Вроде все так же, как у живого... кроме жизни.

– Вы поймите, вам действительно лучше признаться. А то ведь трупы всплывают и с гирями. И знаете отчего? А микроорганизмы внутри тела вырабатывают газы, раздувая его до невероятных размеров. Оттого и всплывают. И что вы скажете в этом случае? Ушла из дому сама, прихватив гирию?

Фрольцов не произнес не звука.

Опер продолжал давить:

– А иногда и не всплывают. Но и в этом случае рано или поздно вы к нам придете. Придете сами. Не первый вы и не последний, к сожалению. Груз этот нести не сможете. Это не гири, и груз этот не тренирует, а только тяготит. И каждый день все больше и больше. До полной потери остатков воли, а порой и рассудка.

Ильин поднялся со стула и, встав прямо напротив сидевшего Фрольцова, продолжал говорить в надежде, что тот прислушается. На этот раз он уже приводил различные до-

воды, максимально воздействуя на эмоции, но Фрольцов, казалось, его не слышал или просто не слушал, вглядываясь в свое «ничто». Ильин понимал, что исчерпал весь традиционный для его ремесла набор применяемых аргументов, чтобы склонить преступника к явке с повинной. И сказал напоследок и уже в сердцах: «Да и черт с вами – вот и сидите тут на стуле и ждите каждый день, когда микроорганизмы проделают свою работу! И вздрагивайте от каждого скрипа калитки! Вы что – думаете, ужас ваш только в прошлом и в невозможности его изменить? Да черта с два! Ужас-то на самом деле в невозможности изменить будущее. Фрольцов, поймите – ваше будущее – страх и непрощенное раскаяние. Ни женой, ни вами».

Фрольцов снова плакал. Но не так, как в кабинете. Слезы набухали в уголках глаз и потом, не в состоянии там удержаться, с каждым движением ресниц стекали по щекам, высыхая на подбородке и шее. Рыданий и даже всхлипываний не было. Так беззвучно плачут раненые животные, подумалось Ильину. И снова ему стало Фрольцова почему-то жаль.

– Ну, что? Может, возьмете лист бумаги и напишете правду? – еще раз спросил опер.

– А вы решили, что я убил свою жену, потому что гири нет в доме? – вопросом на вопрос ответил Фрольцов.

– Да бог с вами, – понимая, что убийца чистый лист бу-

маги все-таки не возьмет, ответил опер. – Что вы ее утопили в реке, стало ясно из вашего же рассказа о том, при каких обстоятельствах вы попали в психушку. Дело, видите ли, в дате. Первого апреля ведь это случилось? Вернее, в разнице дат. Ведь именно на девятый день после пропажи, а точнее – убийства, вы пошли прощаться со своей женой. И пошли прощаться почему-то в реку. Потому, что знали где она. К ней пошли.

Опер стоял уже в дверях, покидая дом Фрольцовых:

– А гиря, доски с какими-то следами из сожженной лодки – это просто улики, которые могут пригодиться, а могут и нет. Да и крестик нательный, который вы носите, – даже это улика, хоть и косвенная. И означает он, что девятый день после смерти для вас не просто порядковый номер.

Ничего не помогло.

И когда Ильин уже закрывал за собой дверь, он услышал, как Фрольцов все так же произнес: «Я никого не убивал».

Ильин направился к оперативной «Латвии» уголовного розыска, в которой уже заснул было водитель, когда услышал окрик сзади: «Товарищ оперуполномоченный! Товарищ оперуполномоченный!» Ильин ругнул себя за то, что и по-

забыл уже про понятого, обещавшего сообщить все то, «что ему было рассказать».

По торжественному виду Ояра Валдисовича было видно, что ему действительно было что сказать, а по тому, как он заговорщически прятался в кустах, приседал для маскировки и окликал оттуда опера, не выходя на дорогу, стало понятно: он собирался сообщить нечто крайне важное, что должно было остаться строго между ним и Ильиным. Ильину пришлось пройти метров тридцать до соседа Фрольцова, а так как тот говорил исключительно шепотом, то и вовсе приблизиться вплотную, чтобы расслышать.

– Это он, он, товарищ уполномоченный! Он сам! – возбужденно прошептал Ояр Валдисович. Выглядел он в этот момент точь-в-точь персонажем из пародии на детектив или шпионское кино. Воплощением гротеска. Комиссаром Жюв из любимого в детстве сериала про Фантомаса. Сам он этого, конечно же, не чувствовал, но Ильин даже удивился, что Ояр Валдисович не называл какого-нибудь пароля и не требовал отзыва. Схожесть поведения понятого с персонажем пародийного кино особенно усилилась, когда, сказав, что «это – он», и к тому же «сам», Ояр Валдисович опять присел и стал озираться.

– Кто он и что сам? – спросил Ильин.

– Ну как, что же вы не понимаете! – все так же шепотом укорил опера понятой.

– Лодку он сам! Поджег сам! – тут Ояр Валдисович снова присел, озираясь, а потом продолжил еще тише, но с выражением: – Я вчера видел, как вечером он с канистрой пошел к реке и с тряпками какими-то. А потом увидел: что-то горит.

Сообщив обо всем, «что ему было рассказать», Ояр Валдисович перестал приседать и оглядываться и уже почти вслух продолжил делиться впечатлениями о соседе. Обеспокоен он, что Фрольцов совсем после пропажи жены рехнулся. И нельзя ли его снова в психушку направить? А то как рядом с таким соседом жить – того и гляди, чего-нибудь набедакурит? Тем более что и давнишний спор у них из-за сарая. Вдруг отомстить захочет. Слишком близко Фрольцовы свой сарай разместили к общему забору. Положено не ближе трех метров, ну, товарищ милиционер, конечно же, законы знает, а вот Фрольцовы разместили ближе, чем положено...

Уяснив, что Ояр Валдисович не совсем бескорыстен, а даже наоборот – совсем не бескорыстен в своей гражданской позиции и не прочь бы упрятать в психушку соседа, Ильин дал ему поручение проявлять бдительность и впредь. И добавил, что он отметит в справке по делу ценные наблюдения Ояра Валдисовича о поджоге лодки и, если надо будет,

а это вполне вероятно, его вызовут для дачи официальных показаний. Услышав про показания, Ояр Валдисович опять вспомнил о конспирации и зашептал.

– Вы знаете, товарищ оперуполномоченный, хотелось бы просто вас информировать. – Сосед замялся, но потом нашелся – Чтобы был порядок. Ну вы же меня понимаете?

– А нельзя ли ограничиться просто нашей беседой? Без показаний. – В шепот Ояра Валдисовича были вкраплены нотки подобострастия.

– Без ваших показаний изолировать соседа не удастся. – Как можно тверже произнес Ильин.

– Ну что же... Тогда конечно – Ответил скорее «да» чем «нет», Ояр Валдисович.

Когда Ильин развернулся и пошел уже к машине будить водителя, чтобы направиться в отдел, он заметил, что неожиданно погода изменилась и из-за реки примчались тучи, закрыв полнеба.

– А ведь ваш дом не напротив сарая Фрольцова стоит? Или он вам обзор закрывает? – напоследок спросил Ояра Валдисовича Ильин, настороженно всматриваясь в тучи.

– Нет, сарай его стоит напротив моего сарая... – тут понятой сделал паузу. А потом добавил: – Но ведь... но ведь порядок же должен быть! – очень торжественно и очень убеж-

денно провозгласил бдительный сосед.

Ильин ничего не ответил и бегом ринулся к машине.

– Ох! Ливанет сейчас! – сказал он встрепенувшемуся водителю.

– И гроыхнет! То-то меня все в сон клонило целый день, – водитель потянулся в машине до хруста позвонков и спросил: – Порядок?

– Да, порядок, порядок! Едем в отдел, – а потом, вспомнив Ояра Валдисовича, почему-то добавил: – «Орднунг юбер аллес».

– Так ведь там вроде не «орднунг» было, а «Дойчланд», – водитель любил потрепаться за рулем ни о чем. Но ответ Ильина не дал ему такой возможности: было ясно, что опер задумался о чем-то своем, отвлеченном:

– А нет уже той «Дойчланд», вот и заменили на «орднунг»...

Беседа не ладилась – водитель всматривался в черноту асфальта и небо того же цвета и гадал: ливанет или нет, а Ильин просто рассматривал пейзаж за окном машины. А за окном черные тучи уже вытолкали за горизонт самые-самые последние клочки неба, отчего все вокруг изменило цвет. Словно серыми полупрозрачными шторками кто-то закрыл окна автомобиля, подумал опер. В этот момент черная в

полнеба туча, осознав свое родство с черной рекой, игриво подмигнула ей! Молния! Гроза! Первая в этом мае! Крупные капли забарабанили по крыше и лобовому стеклу! И тут Ильина осенило: это же не шторы – это просто занавес. Серый занавес сцены, на которой играет природа бесконечную пьесу с названием «Времена года». А раз опущен занавес, то впереди новый акт этой пьесы— продолжал развлекать себя ассоциациями опер. Тогда гром – это первый удар в литавры в музыкальной увертюре к следующему акту пьесы. Смотрим дальше. Впереди лето...

– Ну, рассказывай! – попросил начальник, когда Ильин зашел к нему доложить.

– Убийство, думаю. То есть уверен почти на сто процентов, – опер голосом подчеркнул числительное «сто» и доложил все обстоятельства. Не упустил ни поджог лодки, ни гирю, ни девятый день.

– А ты считаешь, он поверил, что труп может всплыть с гирей? – было видно, что Гуляев сам пытается оценить вероятность этого. – Надо бы проконсультироваться у экспертов, а то я такого случая не припоминаю.

– Да и пусть не поверил, – ответил Ильин. – Главное, что убийство было спонтанным, значит, труп он выбросил в реку, не продумав все мелочи, может – завернутым в одеяло приметное или в плащ-палатке военной? Да мало ли как. Пусть понимает, что трупы всплывают вместе с вещдоками.

Сосед даст показания про поджог лодки. На досках днища эксперты что-нибудь да найдут, соответствующее всплывшему вместе с трупом вещдоку. Но все это – лишь когда труп всплывет, чтобы стало понятно, что исследовать.

На том начальник и порешил. Ждать. То ли трупа. То ли явки с повинной. То ли самоубийства Фрольцова с поясняющей запиской. Тем более что пока нет трупа, нет и дела об убийстве, даже если и есть явка.

Ильин отнес протокол и выпиленные из лодки Фрольцова, пахнувшие гарью доски в кабинет к работнику из группы по розыску без вести пропавших, а гирию отстоял и оставил себе. Решил, что в кабинете она не помешает и придаст солидности ему в глазах посетителей. К рукоятке гири была привязана бирочка с подписями понятых, и эта бирочка недвусмысленно свидетельствовала, что гирия не просто так в кабинете стоит, а «при исполнении». А это значит, что гирия может быть прекрасным партнером для какой-нибудь игры при «колке» туповатого жулика и позволит при необходимости дать волю фантазии и обыграть факт ее нахождения в кабинете. Гирия смолчит, а бумажка, прикрепленная к рукоятке, – стерпит. Гире было выделено особое место в кабинете, чтобы она хорошо была видна посетителю, севшему на стул. Ильин пару раз передвигал ее влево-вправо, пока не сказал сам себе: порядок! И, довольный проделанной работой, по-

шел в дежурку.

Дежурным по отделу был мудрый Георгий Георгиевич, и Ильина потянуло поговорить с ним «за жизнь». Георгич – а его все только так и звали – на должности дежурного по отделу был лет сто уже, не меньше. Во всяком случае, никто из «старожилов» отдела его в другой должности не помнил. И как он появился в отделе, тоже никто не знал, зато он знал про всех все. Георгич был бакинцем. Сейчас, видимо, и не все поймут, что это значит. Просто родом и духом он был из солнечного Баку –, веселый, добрый и по-восточному мудрый.

Георгич, увидев опера, тут же стал греть чай и на вопрос Ильина о происшествиях на этот момент ответил, что квартирная кража одна есть. И дежурный опер, и следовательно там с утра возятся, вот уже несколько часов; еще двенадцатилетнего парнишку поймали в Дубулты – велосипед пытался украсть, и им сейчас Петрович занимается, и заявление о пропавшей без вести поступило. Уроженца востока в нем выдавала не внешность, а небольшой акцент.

– Так ты же этим заявлѐнием и занимался?! – не то спросил, не то напомнил Ильину Гергиевич.

– Да занимался, – буркнул Ильин. И спросил вдруг: – Вот вы, Георгий Георгиевич, в бога верите?

– Ну и вопросы у тэбя, Ильин... С чего это?

– Так вижу, что крестик нательный носите, вот и интересно мне.

– А время у тэбя есть послушать?

– Найду уж для Бога, ну, и для вас тем более, – улынулся

Ильин.

Георгиевич немного отодвинул стул от пульта дежурного, попросил помощника минут десять-пятнадцать его не беспокоить и начал свой рассказ. Ильин предвкушал. Не первой была эта его беседа с Георгием и, даст бог, чье существование попробует обосновать сейчас восточный мудрец, не последней.

Дежурный начал издалика:

– Вот ты видишь свою руку? – спросил он Ильина, взял за кисть и вытянул его руку несколько вперед из рукава рубашки. Посмотрел на нее. Помолчал секундочку и сказал, что лучше в качестве образца они посмотрят на его – Георгия руку. В качестве предмета исследования рука Георгия подходила действительно лучше.

– Смотри, – сказал он, – ты видишь руку мужчины! Ты видишь волосы на руке, ты видишь кожу и вены под ней. Это – часть меня. Это я. А вот посмотри нэмногo влево или вправо – ты видишь что?

– Что я вижу? – переспросил Ильин. – Ну, журналы с

кроссвордами я вижу, а еще журнал «Наука и жизнь» и служебный журнал учета происшествий рядом тоже вижу.

Георгиевич даже сморщился:

– Ай! Стол ты видишь! Стол! Моя рука на столе лэжит. Рука заканчивается вот тут и стол тут же начинается. Между рукой и столом – ничего. Вот была рука и вот уже стол. Так?

– Ну, так, – не мог не улыбнуться Ильин.

– Хорошо! Слушай дальше. Представь сэбе, что ты из чемодана эксперта лупу взял и туда же смотришь. Что ты видишь? Ты видишь то же самое, но в увэличенном виде. Ведь так?

– Так, так, Георгич. Нет сомнений. Бог при чем? – Ильин обожал эту манеру дежурного философствовать на простых примерах. А добавление сочного акцента Георгиевича делало этот процесс особенно вкусным и напоминало Ильину таинство приготовления кавказских блюд, когда весьма простые продукты становятся изысканным блюдом за счет правильных приправ в правильном сочетании и количестве.

– А чтобы дойти до Бога, мы возьмем уже нэ лупу в чемодане эксперта, а микроскоп в его лаборатории. И тогда в микроскоп посмотрим на мою руку на столе. Руки уже нэ будет. Будут клетки. Биологию проходил? Про инфузорию-туфэльку в школе учил? А вот стол – не рука, он нэ живой, и он еще останэтся. А если точно – то не стол, а какие-то волокна.

Понимаешь, куда я клоню?

«Ай да Георгич! – подумал про себя Ильин. – А похоже, он прав!» А вслух сказал:

– Будем микроскопы помощнее из разных кабинетов таскать – сейчас в Академию Наук отправимся?

– Точно! – обрадовался Георгич. – На лэту схватываешь. Микроскопы побольше, а частицы помэньше. Вот доберемся до молэкул. И там еще есть разница. Стол из одних, а рука: и моя, и твоя – из других. И до атомов доберемся. А потом до самых элементарных частиц. Самых-самых, Ильин. Их физики еще и нэ знают, но уже о них говорят. И что они говорят? Что они одинаковые, они самые элементарные – самый маленький кирпичик, из которого материальный мир построен. И тогда куда ты своим микроскопом ни верти: хочешь влево, хочешь вправо – ты не увидишь никакой разницы между моей рукой и столом. Элементарные частицы и бесконечная пустота между ними. Везде одно и то же. На этом материальном уровне рука нигде не кончается и стол нигде не начинается. Кирпичик – пустота, кирпичик – пустота, и снова кирпичик, и снова пустота. Нэт меня. Нэт тебя, нэт стола. И нэт даже книги учета происшествий!

Ильин наслаждался! Логичность доводов Георгича он оценил, да к

тому же и колорит его жестов, акцента и всего образа седого кавказца в кителе с погонами опровергали примитивно материалистическую теорию о том, что на самом деле он лишь некий объем пустоты между конечным количеством первокирпичиков материи.

– А теперь выводы, Георгич, выводы!

Выводы Ильину услышать не удалось – в дежурку прибежал Петрович и обратился к дежурному со странным вопросом:

– Георгий Георгиевич, а можно вашу гирию одолжить на пару часов?

– Тебе это зачѐм? – насторожился дежурный, зная, что Петрович любит подшутить над всеми. А Ильин подумал, что сегодня прямо какой-то день гиревого спорта в отделе.

– Да пацана, что велосипед пытался украсть, надо отвезти на проверку показаний. Он еще в пятнадцати кражах велосипедов признается от магазинов на протяжении от Дубулты до Вайвари.

Тут уже Ильин заинтересовался. Раскрытие нескольких ранее «темных» краж велосипедов на его земле было бы прекрасным завершением трудового дня.

– Но при чем тут гиря! – практически в один голос с дежурным воскликнул он.

– История тут такая, – Петрович был крайне серьезен, и почему-то от этого еще больше казалось, что он придушивается. – Пацан кражи-то на себя берет и контактный вроде. Но я на всякий случай с территориальниками из Риги по месту его жительства связался. Выяснилось – там его знают плохо, но лишь с хорошей стороны, а с плохой знают очень хорошо, – балагурил Петрович. – Ибо ворует он постоянно, всегда и все. И вот благородные коллеги предостерегли меня, что есть у него две особенности: легко в кражах по малолетству и глупости признается и потом легко на проверках показаний дает деру. Три раза убежал от них. У них ни одно дело по этой причине не закончено. И от нас убежит. Если мер не примем. На проверку еду я и следовательша по малолеткам. Я очень, очень старый и давно уже весь больной. Следователь... – сами понимаете – «ша». На каблуках. Вот и думаю я его к гире вашей, Георгич, наручниками пристегнуть. На малолетку браслеты надевать не положено, а про гирю ничего не сказано...

Петрович умолк и глядел на обоих победителем.

Ильин и Георгиевич только рты пораскрывали – но дольше поживший на белом свете, а потому и более сентиментальный Георгич не выдержал первым и возмутился:

– Так ты что же это, ирод, рэбенка заставишь гирию таскать?

Петрович явно ждал этого вопроса. Картинно сделал печальное лицо, пожаловался в пространство, что коллеги к нему, как всегда несправедливы, и повторил киношное: «Я старый солдат...» Все так же печально вздохнул и продолжил: «А солдат ребенка не обидит...» И поэтому гирию таскать будет не дитя, а он, Петрович. Дитя будет лишь пристегнуто к гире. А вот если поганец надумает убежать, то удерживать ни его, ни гирию Петрович не станет. Пусть уж вдвоем бегут... как смогут... неуклюже... И уже с совершенно счастливым видом стал насвистывать песенку крокодила Гены. Изумленный дежурный лишь махнул рукой в направлении комнаты отдыха дежурного. Петрович с видом победителя, продолжая насвистывать незамысловатый мотив, вальяжно прошествовал в комнатушку и взялся за гири. Секунду спустя счастливое выражение лица Петровича сменилось на озабоченное, потом на несчастное – это он приподнял гири, стоявшие в малюсенькой комнатенке. Эти гири давным-давно были принесены туда могучим Георгием Георгиевичем, и утром после дежурств он регулярно разминался.

– Они у вас двухпудовые, что ли? – чувствуя надвигающийся провал блестяще разработанного и до мелочей продуманного плана проверки показаний прохрипел Петрович,

с трудом удерживая гирию.

– А ты думал, я тут шутки с ними шучу. Бэри, что есть и пока даю.

Георгич понял, что он таки вырвал в этом раунде победу у Петровича, причем нокаутом.

Ильин расхохотался. Уж больно забавен был Петрович в момент осознания своего неожиданного фиаско.

– Ладно! У меня тут по случаю оказалась пудовая гирия. Идем в кабинет – выдам. Только скажи правду – действительно на проверку собираешься с гирей или для чего другого понадобилась?

– Да на что мне гирия-то? Действительно для проверки – мамаша этого велосипедного маньяка подсказала. Малолетка же, вот и ее тоже привезли на допрос и на проверку. Она и придумала этот фокус с гирей. Сынок достал ее уже. Она хочет, чтобы уж дела все поскорее позакрывали по малолетству и передали на комиссию по несовершеннолетним для направления сыночка в спецшколу. От нас его заберет Рига, как только позвоним, что мы закончили. На низком старте они – все трубки уже оборвали.

– Стоп! – сказал Ильин и действительно остановился перед дверьми своего кабинета. – Ты учти: гирия – вещдок. Рижанам порочное дитя передашь без гири. Пусть сами добы-

вают.

Петрович отнесся к опасениям Ильина с пониманием и дал максимально торжественную клятву – обещал быть гадом и вдобавок отдать зуб, если оплошает с гирей. Клятва Ильина убедила. Сомнений в искренности Петровича не оставалось, и гиря в первый же день появления в отделении уголовного розыска отправилась на боевое задание вместе с надежным и опытным напарником – Петровичем.

Рабочий день подошел к концу, и опер дал команду своему зеленому «Запорожцу» по прозвищу Тарас на выдвижение к дому. Лишь с третьего поворота ключа в замке зажигания капризный Тарас дал согласие на поездку по этому маршруту – видимо, хотел заночевать у отдела. По пути Ильин стал раздумывать над так и не завершенным разговором с Георгием.

Что хотел сказать мудрый майор, Ильин понял. Материальный мир по сути своей мертв. Лишь пустота и частички, вибрирующие или куда-то движущиеся, как пылинки в воздухе в просвете солнечных лучей. А значит, жизнь не исходит из материального мира – она может быть туда лишь принесенной. Извне... Кем? Это понятно – «И сотворил Бог небо и землю...» и далее – по тексту. А вот для чего?

То, что мир не примитивно материален, Ильин для себя решил еще в юношестве. Правда, ход его мыслей был другим. Ильин постарался вспомнить, как он тогда рассуждал. Ох, как давно это было! Наверное, как и все, в какой-то период он стал задумываться над вечными вопросами: кто мы, откуда пришли и куда уходим? И размышлял он тогда как-то так:

«Ведь если мир лишь материален и личность человека после смерти исчезает полностью, то жизнь не имеет смысла вообще. Этот миг «между прошлым и будущим» существует, лишь пока есть личность. Для личности ничего не было «до» жизни, ничего не будет и «после» нее. Какая разница, что было и что будет, если в итоге вся их совокупность всегда и для всех – лишь исчезающий потом насовсем миг?» Ильин сам себе пытался возражать – но ведь после исчезновения одной конкретной личности на свете остаются и другие. Им и передается знание. Более того – личности и сами заняты воспроизводством других личностей – прямых своих потомков.

Так, может, накопление и передача знаний другим личностям и есть цель жизни? Но тогда закономерен вопрос – А живут ли люди по-знанию? Вот в магазине мы покупаем молоко по знанию, или по вере? Ведь человек же не проводит экспертное исследование каждой покупаемой им «непрозрачной белой жидкости» в бутылке. У него нет точ-

ного знания что налито в бутылку – у него вера, основанная на опыте, что там – молоко. И то, что на этикетке написано «Молоко» – это лишь дополнительный способ заставить поверить. Значит, по знанию люди не живут. А живут люди на основе веры в чужие знания и на основе предыдущего своего опыта, который тоже вера. Это вера в обязательную повторяемость результатов при схожих внешних условиях. Но абсолютно одинаковых внешних условий в материальном мире не бывает никогда! Никогда-никогда! Но тогда надо признать, что это знание-опыт бессмысленно. Но разве может быть что-либо бессмысленное осмысленной целью?

А когда появилось первое знание на основе первого опыта первой личности? Прimitивный материализм дает на этот вопрос примитивные по точности ответы. Но в любом случае, эта теория признает некую, пусть и условную, но начальную точку на оси времени, когда появилась первая личность. А зачем? Чтобы передавать знания последующим. Но какова тогда целесообразность появления первой? Чем было хуже до этого момента и кому было хуже? Зачем накапливать и передавать знания от человека к человеку, подчас неверные, если они объективно в природе существуют и так? Опять этот вопрос о целесообразности всего сущего! Если нет какой-то цели в этом и все мы лишь случайно приходим из мертвой холодной пустоты лишь для того, чтобы уже миг спустя неизбежно полностью раствориться навечно в ней же,

утрачивая все, – тогда прав Алеша Карамазов у Достоевского: тогда все и можно! Потому, что ничего и нет, в примитивно материальном мире, кроме вечной смерти. Но тогда в чем смысл этого круговорота приходящих ниоткуда и никуда уходящих личностей со своим уникальным опытом-знанием? В чем смысл их жизни «сейчас»? Ведь чем отличается человек от булыжника? Булыжник, видимо, не размышляет на тему «до» и «после», проживая свои тысячи лет до распада в песчинки. Человек же, наоборот, проживая свою жизнь, все события, происходящие с ним «сейчас», и свои поступки в этом «сейчас» строит на основе того, что было «до», и в расчете на определенное «после». И в результате появляются переживания. И лишь в том и отличие – булыжник не живет жизнью эмоций, чувств. Он не переживает духовно. А в нас живут переживания! А некоторые живут в нас с рождения. Но не могут же они приходить из ниоткуда вместе с жизнью? Как, например, тот самый, по Канту «Нравственный Закон». Но из ниоткуда – это же глупость! Вот и значит, рассудил тогда шестнадцатилетний Ильин, что смысл жизни в переживаниях. А они уж точно не материальны, даже если и сопровождаются какими-то материальными проявлениями. Ну, и напоследок – а раз весь смысл в них, то они где-то и как-то должны и учитываться, и накапливаться. И понятно, что не на материальных носителях.

«Запорожец» Тарас с задачей справился. Опер оставил его набираться сил до завтра в гараже, а сам пошел домой.

«Нет! Не может быть мир примитивно материальным! Просто не может – и все!» – по пути домой продолжал свои размышления Ильин. Не получалось у него представить себе, что все, что есть в мире, – от песчинки юрмальского пляжа до размышлений Георгия Георгиевича о сущном – лишь случайный результат столь же случайных процессов. Настолько это не вязалось со всем, что видел он вокруг и чувствовал, что он вдохновился на несерьезный стишок:

Материя разложена
до пра-пра-кирпичей,
В теорию уложена
О том, что мир – ничей!

Нет Бога! Мир не создал Сам!
Ученые мужи
Несут смятенье в души нам –
Нет никакой души!

Здесь Бог – Естественный Отбор
И нет моральных норм.
Он и решит, кто сорт, кто сор.
Ты – скот? Или ты – корм?

Обидно? Но иного нет...

Вру! Есть! Наоборот
Возможно попросить ответ —
Ты корм или ты скот.

Глава вторая

Следующий день начался с традиционного по по будням утреннего собрания офицерского состава отдела. На этот раз, помимо информации сменяющегося после суток работы дежурного о происшестввиях за дежурство и чтения сводки преступлений по республике за сутки, в мероприятии «отметился» и заместитель прокурора города. Зам прокурора приходит не часто и никогда ни с чем хорошим. Опера, увидев его, тяжело вздохнули – опять принес кучу отмененных отказных материалов. Злыдень, одно слово. Заместитель прокурора на самом деле злыднем не был – он был занудой. Звали его Куриленко Глеб Трофимович. Был он невысок, всегда одет в серый мятый костюм, занудство его не выходило за рамки служебных обязанностей и отлично сочеталось с небольшой лысиной на макушке. А обязанностью его были контроль и проверка работы правоохранительных структур города. В том числе и принимаемых ими решений по заявлениям трудящихся.

– Ну, куда это годится? – стучал стопкой из двадцати пяти отмененных им «отказных» дел Глеб Трофимович. – Ну, надо же совесть иметь! Вот что в своем постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела пишет участковый инспектор Семенов...

Заместитель прокурора стал перерывать папки, разыскиваю нужную:

– Ага! Вы послушайте. Так ... я, участковый инспектор... установил ...– Искал нужное место в тексте Куриленко – Вот, вот тут: «Заявитель Антоненкова Л.С. не имеет надлежащего опыта по уходу за домашними животными. Кроме этого, по показаниям свидетелей, она имеет очень плохую память и крайне плохое зрение. Свидетели отмечают, что она неоднократно забывала закрывать калитку забора приусадебного участка».

Глеб Трофимович посмотрел в зал и пояснил:

– Это Семенов нас исподволь подводит к выводам, которые он сделал в итоге по заявлению о краже кроликов из крольчатника! Но этого мало, и Семенов продолжает: «Свидетели отмечают, что неоднократно видели, что заявитель даже и не замечала, что у нее на территории не закрыта калитка». А еще «свидетели допускают, что и дверцы клеток крольчатника заявитель тоже очень часто забывала закрывать или не замечала их открытости». Причем так и написано – «открытости».

Зал развеселился.

– Вы думаете, это все?! – спросил заместитель прокурора товарищей офицеров. – Нет, не все! Еще внимательные свидетели отметили, что неоднократно Антоненкова Л.С. оскорбляла кроликов, называя их различными неприличными словами, и угрожала, что не будет больше давать им пищу!

Товарищи офицеры смеялись уже в голос. Даже начальник отдела иногда подхихикивал, хоть и пытался он сохранять строго-серьезную мину. Но эта маска периодически сползала с его лица, не выдерживая тяжести приведенных в постановлении аргументов участкового инспектора. Не смеялись лишь двое – Глеб Трофимович и Семенов. Заместитель прокурора с покрасневшей от возмущения лысиной поведал о выводах Семенова, который, за отсутствием лысины, краснел лицом. А выводы были по сути своей очень просты – кто же не сбежит от такой жизни – в голоде и непрерывных оскорблениях – при наличии незапертых, вероятно, клеток и калитки забора? Кролики ушли сами! В этом не сомневался Семенов, а значит, не было и кражи, и в возбуждении уголовного дела по заявлению Антоненковой Людмилы Степановны он отказал за отсутствием события преступления! «А каких свидетелей подыскал участковый инспектор Семенов!» – продолжал Глеб Трофимович! «Один только что вернулся из лечебно-трудового профилактория, а второго туда

– я справки навел! – позавчера отправили. Причем второй живет в двух километрах от заявителя».

Заметив, что Семенов все это время стоит, переминаясь с ноги на ногу, Куриленко раздраженно бросил ему:

– Да садитесь же, Семенов!

И уже снова обращаясь ко всем:

– Двадцать пять отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела – это только апрельские материалы! Майские я еще не проверял. Но учтите – семь шкур спущу за необоснованные отказы!

Такие сюжеты, с небольшими различиями, повторялись регулярно к летнему сезону. Это Куриленко взбадривал личный состав отдела внутренних дел, чтобы при ожидающемся сезонном вале заявлений работники все-таки совесть имели и не писали в постановлениях тексты, более подходящие для рубрики «Нарочно не придумаешь».

У Ильина же из головы не выходил Фрольцов, и он пытался разобраться в природе своей жалости к нему и интереса к этому делу. Это отвлекало от работы. На столе лежали шесть материалов, которые кровь из носу надо было сделать «от-

казными». Да и полный сейф оперативных дел по возбужденным уголовным делам. Ну, и к тому же – «что день грядущий нам готовит?» Для начала день приготовил Петровича с гирей в руке.

– Она счастливая, – вдохновенно возгласил Петрович. – С ее неоценимой помощью – минус пятнадцать вечно «темных» краж велосипедов.

– Ага! Гиря счастья, – подхватил и гирю, и шутку Ильин. – Теперь ты должен вручную изготовить семь таких и разослать знакомым операм в другие отделы. Каждый из них, в свою очередь, тоже должен изготовить семь и тэдэ. До полного искоренения «темных» краж велосипедов в стране.

Петрович поведал и о сообразительной мамаше пацана. Мало того, что она придумала использовать гирю, так и сумку дорожную с собой привезла, и джемпер с длинными не по росту рукавами сыночку. Гирю положили в сумку, длинный рукав джемпера прикрыл браслеты на руке мальчишки, вторую часть, пристегнутую к ручкам сумки, маскировал Петрович своей лапищей, и со стороны казалось, что вот она – показательная советская семья. Заботливые папа и сынок тянут тяжеленную сумку, а мама шагает рядом и не спускает с любимого сыночка глаз.

Несколько дней прошли в рутинной работе, без интерес-

ных событий, а Ильин ловил себя на мысли о том, что он ждет, когда же всплывет труп жены Фрольцова. Он почему-то чувствовал, что должен еще раз встретиться с Фрольцовым при развязке этой истории. Почему он это чувствовал и с чего это вдруг они должны еще встретиться, – ведь «земля» не Ильина, розыском без вести пропавших он не занимается, – Ильин даже и не задумывался. Чувствовал и все. Даже хотел. И ведь действительно – хотел. Природа этого хотения была Ильиным до конца не понята. Это чувство не появилось вдруг, ни с того ни с сего, лишь в связи с этим случаем. Оно находилось внутри постоянно и существовало в полном соответствии с третьим законом механики – оно было тем сильнее, чем сложнее была история. Одно дело, когда он был молодым опером и все было внове и всегда интересно, тогда это хотение объяснялось стремлением к самоутверждению в профессии и просто необходимостью приобретения опыта. А сейчас-то? Он вполне уважаемый и ценимый руководством работник. Доказывать уже никому ничего не надо. Разве только себе.

Неужели – себе?

Но если на самом деле ты занят тем, что доказываешь себе свою состоятельность и правоту при раскрытии преступления – вместо сбора доказательств чужой неправоты, то практически нет шансов оставаться беспристрастным при оценке

фактов. Не получается быть одновременно и беспристрастным судьей, и стороной процесса. А особенно, если тебе дана власть. Власть определять судьбу человека. Власть влиять на его чувства и эмоции. Пусть не полностью и не навсегда, а лишь на время. Но – власть! Власть – так когда-то определил для себя Ильин – она как акула. Акула постоянно движется, чтобы не утонуть, так и власть – чтобы она существовала, она должна быть периодически употребляемой. А употреблять власть по делу в ситуации, когда опер занят «доказыванием» чего-то лишь самому себе – это означает быть не только пристрастным судьей, но и палачом.

Ильин знал, по себе знал, что сидит внутри эдакий бес и нашептывает: «Ты прав, наверняка прав!», и тут же искушает: «А раз прав, то употреби власть!» И побуждает: «Употреби – ты вправде!» Признавая нематериальность мира, наивно не признавать разнообразия сущностей в нем. Особенно – трудясь в уголовном розыске.

Рутинка закончилась сообщением дежурного по отделу о поступившей утром телефонограмме о скончавшемся в больнице молодом мужчине, накануне вечером подобранном «Скорой помощью». Непосредственная причина смерти установлена пока не была, но в момент обнаружения лицо его было окровавлено – бровь сильно рассечена, очевидно, от удара. Других видимых телесных повреждений на теле не

было. «Земля», где было обнаружено тело, была зоной Петровича, но начальник розыска распорядился, чтобы к нему по этому делу присоединился и Ильин.

В «Скорую помощь» позвонил какой-то мужчина из телефона-автомата. Не представился и быстро пробормотал, что в кустах в сквере напротив станции Майори лежит человек без сознания. «Скорая» по вызову приехала, потерпевшего нашла и до больницы довезла, но почти без пульса и дыхания, а к утру мужчина, не приходя в сознание, скончался. Вот и вся информация, которой располагал начальник розыска. Надо было работать. Операм выделили оперативный «жигуленок» с водителем Сергеем и сначала они завезли Петровича в больницу – осмотреть повреждения на теле и одежду, а Ильин поехал на станцию «Скорой помощи», чтобы поговорить с врачами, подобравшими в Майори погибшего. На станции «Скорой» выяснилось, что той смены уже нет: как и опера, врачи дежурили сутками – с утра до утра. Но зато Ильин смог послушать запись разговора звонившего мужчины с оператором. Мужчина немного заикался, совсем чуть-чуть. То ли от волнения, то ли это была его особенность. Разговор был коротким:

- «Скорая» слушает, – ответил на звонок в 23.48 оператор.
- Т-тут мужчина л-лежит, в кустах, и он не ды-дышит.

Мне кажется.

– Назовитесь, пожалуйста, и укажите адрес, по которому ехать.

– В Майори он лежит, н-напротив станции в сквере за скамейкой. Приезжайте с-срочно.

Вот и весь разговор. Звонок был из телефона-автомата на улице Йомас.

«Интересно, – подумал Ильин. – Звонивший видел мужчину в сквере напротив станции, а позвонил из автомата, пройдя метров пятьсот по улице Йомас. Пройдя мимо, как минимум, еще двух телефонных будок. Может, те были неисправны?»

– Серый, – обратился он к водителю оперативного «жигуленка», – смотайся к нам в контору, доложи Гуляеву ситуацию и попроси его, чтобы проверили две попутные заявителю телефонные будки. Да и вообще в радиусе километра от будки, из которой он позвонил. Были ли они исправны вчера? Потом заберешь Петровича и вместе с ним ко мне!

– Лады, – Серый не любил стоять на месте – любил ездить.

Ильин еще несколько раз прослушал ту же запись, чтобы запомнить голос и интонации звонившего и чтобы еще что-нибудь услышать. Может, кто-то стоял рядом, что-то говорил. Хоть что-нибудь, что позволило бы помочь установить

личность звонившего. Он же не просто случайный звонивший – раз он не сразу позвонил? Он ведь из-за чего-то не сразу позвонил! Стоп! А кто-нибудь еще сообщал об этом случае? Судя по записям, «Скорая» подобрала погибшего почти через двадцать минут. Да и сколько времени он лежал там до этого – пока одному Богу известно.

– А еще звонки об этом же потерпевшем были на станцию: до этого или после? – спросил Ильин старшего смены

– Так откуда я знаю, я же тоже лишь с сегодняшнего утра. Могу дать послушать все входившие звонки примерно за час до этого звонка и после, до момента приезда «Скорой».

Ильин, слушая записи о вызовах «Скорой», узнал много нового о природе человека. Оказывается, люди, побуждаемые пороками и страстями, не только друг другу причиняют увечья, но еще чаще сами себе, и все по тем же причинам, да плюс еще и из любопытства, экспериментируя с различными бытовыми предметами и частями тела. Но заинтересовал его лишь один звонок – в 23.47. Это был самый короткий звонок из прослушанных. Традиционное: «Скорая» слушает», небольшая пауза, раздраженное: «Говорите, «Скорая» слушает!» И... все. Абонент положил трубку. Но не совсем все – в перерыве было слышно, как звучит вживую, заглушаемая ресторанным гомоном, перепевка популярной песни про то, что не надо сыпать соль на рану. Звуки были явственно

слышны в трубке, пока абонент молчал.

Ильин облегченно вздохнул и повеселел. А тут на станцию позвонил Гуляев и, попросив позвать офицера уголовного розыска к телефону, сообщил Ильину, что информация о состоянии телефонов-автоматов в округе будет получена только завтра. Опер попросил начальника дополнительно выяснить на телефонной станции и информацию об адресе, из которого был и звонок в 23.47. Гуляев на том конце провода ругнулся и еще раз повторил, что все будет только завтра, так как без подписи начальника отдела или его заместителя эти данные не получить, а они оба на совещании в Риге.

Через несколько минут подтянулись Петрович и Серый. Петрович выглядел почти идеально, наполовину соответствуя тому, как выглядят сотрудники уголовного розыска из известного в оперской среде стишка про шествие работников милиции. Не все стихотворение могло быть по этическим причинам озвучено для широкой советской общественности, но суть его проста и в главном правдива – торжественным маршем шествует колонна работников милиции – впереди в отличных импортных туфлях и «индпошиве» сотрудники ОБХСС с «колбасой наперевес» и различным продуктовым дефицитом в портфелях, за ними вполне сытые и холеные сотрудники ГАИ («едят и пьют не на свои»), с оттопыренными от «трояков» карманами, а замыкает колонну

– отделение уголовного розыска: «Вечно пьян и вечно хмур – позади идет ОУР». Пьян Петрович, конечно, не был. Но хмур до крайней степени.

– Документов при трупe не обнаружено. Кошелек с деньгами на месте. Часы тоже. Одежда не сильно испачкана – там, где нашли, там и убили. Других повреждений нет – убит одним ударом кулака, наверное, внутреннее кровоизлияние, а может, и перелом височной кости. Тело отправили в морг, чтобы дать вскрытию возможность показать... – даже и в такой ситуации Петрович любил позубоскалить. – Ну, и у тебя, думаю, тоже глухо? – спросил он Ильина.

– А вот послушай первую запись. В ней звонивший сообщает о бездыханном теле в парке в 23.48. Что слышишь?

– Ну, заикается. Не оратор, стало быть, наш свидетель. А так человек он неплохой. Отзывчивый. Даже чуткий. А откуда он звонил?

Узнав от Ильина, «откуда он звонил», Петрович призадумался.

– Ты из себя мыслителя не изображай, тут, кроме меня, никого нет. Поэтому – бесполезно. Ты еще несколько раз запись послушай. Что слышишь?

Петрович прослушал несколько раз и ответил:

– Ну, есть, кроме разговора нашего человеколюба, песня какая-то на заднем плане. Еле слышно. Какой-то чувак угрожает причинить телесные повреждения. Думаешь, он?

Перебалагурить Петровича было невозможно. Услышав про «чувака», Ильин даже растерялся сначала, а потом рассмеялся, сообразив, что там в тексте есть слова примерно такие: «...полоснув по ране бритвой» и что-то про «третьего лишнего».

– Ладно уж, послушай еще и это, здесь песня слышна очень хорошо, – и Ильин поставил запись с молчанием абонента в 23.47.

Тут повеселел и Петрович. «Поехали к телефонной будке», – сказал он Серому и Ильину.

Будка удручала сиротской наготой. Стекла были выбиты сразу же после очередной установки к очередному Первомаю. Лишалась стекол будка, как правило, не позже Дня защиты детей – первого июня, и стояла раздетой до Ноябрьских. К Ноябрьским праздникам ее снова стеклили, но не позже дня Советской Конституции – 5 декабря, она снова обнажалась не по своей воле. А по воле загулявшей допоздна в ночных ресторанах улицы Йомас шпаны. Потому и был

слыши в трубку в 23.48 звуки оркестра, исполнявшего вживую обычный ресторанный репертуар того времени. А до ресторана – метров сорок. Вон он! На перекрестке. Но эта же песня была слышна во время звонка молчаливого абонента и в 23.47. Причем отлично слышна.

Молчаливым абонент, наверное, был потому, что сообразил: звонки в «Скорую» записываются и определяется адрес звонящего. Значит, звонил из дома. И дом его наверняка расположен не дальше, чем в минуте ходьбы до телефонной будки и так близко от ресторана, что песню было слышно отчетливо. Одна минута ходьбы – сто метров. Не более. И тогда получается, что живет он в одном из домов или по соседству с рестораном, или напротив. И, судя по голосу, – он молодой мужчина, а еще есть у него особая примета – заикание, во всяком случае, когда волнуется.

Лишь три здания своим местоположением могли претендовать на почетное право участия в борьбе за звание дома, в котором проживает немногословный, но важный свидетель. Победителя конкурса определила местная дворничиха, сказав, что если милиция ищет молодого и немного заикающегося мужчину, то он живет вот в этом доме – напротив ресторана, на втором этаже, и зовут его Дмитрий. Он Марии Кругликовой – продавщицы из газетного киоска на углу – сын, и работает где-то в Риге. В Диме дворничихе нравит-

ся, что он блондин и у него красивый бежевый плащ, а не нравится, что он вечно вечерами курит у открытого окна и бросает окурки вниз на улицу. А кроме этих окурков, набедокурить он ничего не мог, так как парень он справный. Не в пример многим. Даром что без отца рос. Так что товарищам из милиции и нечего попусту время тратить.

Товарищи из милиции и соврали-то не сильно, успокоив дворничиху тем, что Дмитрий Кругликов им нужен как свидетель.

Всезнающий информцентр поведал о Кругликове, что он не был, не состоял и не участвовал. Что, однако, не помешало бы ему в этой ситуации быть не просто свидетелем, да и это еще и не факт, а и более того – убийцей. Понятно было лишь то, что звонивший не сразу решился позвонить, пройдя свои пятьсот метров до будки от места, где лежал убитый, и что он не хотел быть установлен как звонивший. И то, и другое наводило на мысль, что либо он сам и был убийцей, либо через него можно установить убийцу, а он этого не желал. В конце концов установили телефон учреждения, где трудился Дмитрий, – Ильин позвонил туда, представившись работником военкомата, и убедил Кругликова, что тому необходимо явиться в военкомат в течение недели для внесения уточняющих данных в его карточку учета военнообязанного. Звук голоса удивленного до крайности Кругли-

кова не оставлял сомнений в том, что именно его хозяин вчера звонил в «Скорую».

«А ведь раньше я тебе всегда верил! Как я ошибался! Как неожиданно иногда открывается чудовищная изнанка старого знакомого!» – валял дурака Петрович, услышав, как сначала врет, а потом изворачивается Ильин.

Решили тут же и ехать в учреждение, и как можно быстрее, пока очень удивленный Кругликов чего-нибудь не заподозрит и не начнет созваниваться с мамой, а той уже, конечно, дворничиха успела рассказать, как прекрасно она охарактеризовала ее сына «товарищам из милиции», хоть Дима так и не перестал бросать окурки из окна.

А повод удивляться у Димы определенно появился, ибо военнообязанным он доселе не был по причине врожденной хромоты. И он представить себе даже не мог, что его гражданская специальность инженера-проектировщика систем водоснабжения и канализации отныне ставится на особый учет в Министерстве обороны и уже не зависит от физических кондиций специалиста. А именно об этом нововведении поведал ему служивый из военкомата, когда уяснил, что Кругликов на учете никогда прежде не состоял по понятным причинам.

Проектный институт «Латгипропром», в котором трудился Дмитрий, располагался в красивом здании в самом центре Риги – рядом с часами «Лайма», и добрались опера быстро.

Кругликов, как и положено инженеру-проектировщику, находился на рабочем месте за кульманом. Откуда и был извлечен операми и уже в машине, по дороге в отдел, рассказал, что вчера вечером на Йомас он встретил своего однокурсника из Риги Алексея Степанова. Алексей гулял со своей девушкой, невестой даже, так как через месяц у них будет свадьба. Вечером пошли в ресторан втроем и там к ним привязался незнакомый тип. Пьяненький он был и какой-то агрессивный. Собственно, приставал не к ним, а к девушке, Настя ее зовут. Леша в ресторане отшил этого горе-ухажера, тот и отстал. Леша – боксер, кандидат в мастера спорта. Ухажер по виду Леша понял, что лучше не нарываться, и куда-то подевался. И вот, когда Дима уже пошел провожать приятеля с невестой после 23-х часов на электричку, то прямо перед станцией – а там мимо скверика надо пройти – они опять встретили того приставалу из ресторана. На улице никого почти не было: было поздно и моросил дождь. Этот тип вслед им оскорбил Настю, обозвав ее. Леша тут уже вытерпеть не мог, подошел к тому и ударил его. Коротко так. Без замаха. А тип стоял у скамейки. Так он через эту скамейку и перевалился сразу, не охнув.

– П-пошли мы дальше на станцию, – продолжал свой рассказ Кругликов. – Думаю, м-минут через десять пришла э-электричка, и они уехали. А я ре-решил пройти мимо того места, где Л-леша ударил этого т-типа. Смотрю, а он там за скамейкой у кустов т-так и лежит, как л-лежал. Я подошел, потрогал его, а он не реагирует, д-даже и не дышит. По-мо-ему. Я испугался и п-пошел домой. Я не з-знал, как быть. А вдруг он живой? Решил позвонить в «Скорую», из дома, и даже набрал «03», но испугался, что он мертвый и т-тогда я должен буду рассказывать про Л-лешу. А Л-леша не виноват и правильно п-поступил. В-вот вы бы, – обратился Дмитрий к Петровичу, а потом повернул голову к Ильину, – или в-вы?..

И, уже непонятно к кому конкретно обращаясь, – к каждому – медленно и без заикания спросил:

– Вы бы заступились за девушку, за свою невесту?

Опера молчали. Водитель молчал. Свидетель тоже помолчал немного и, вдруг осмелев, подвел неожиданный итог дружному мужскому молчанию:

– Вот и я о т-том же! – и закончил свое повествование: – Но п-позвонить решил. Вышел на улицу и позвонил из будки.

Когда приехали в отдел, то опера сразу передали Кругликова дежурному следователю для допроса, а сами пошли доложить начальнику уголовного розыска. С кислыми минами, несмотря на то, что преступление практически раскрыто.

– Ах, вам жаль Степанова! – почти кричал на Ильина и Петровича Гуляев. – Ах, благородный и оттого несчастный жених! Ну, во-первых, надо его еще задержать, допросить и потом, по результатам того, что он скажет, решать со следователем: вниз его – в КПЗ, или под подписку.

Слова «задержать и допросить» начальник произносил весьма выразительно, растягивая слоги и напирая на ударения, словно ставил боевую задачу.

– А друг его – дурак, – добавил Гуляев после непродолжительного молчания. – Конспирацию развел. Нашли бы все равно их. Вот вы бы и нашли. И друга, и Степанова. Фото трупа все равно по всем ресторанам показывали бы, там бы и получили показания о ссоре. А Кругликова вашего кто-нибудь, да и знает – местный ведь. Вот всех бы вниз и воткнули бы, если б сразу не заговорили. Вот прямо из-под венца. Ну, и какова цена их показаниям была бы через месяц поисков? А так, если боксер ваш нервический врать не станет, то мож-

но вытянуть все на убийство по неосторожности. Хотя какая, к черту, неосторожность – боксер ведь, – сам себя поправил начальник. – Ну, или аффе́кт придумать. Ну что-то можно, если все так. И чем быстрее он даст показания, тем лучше. Этим ты, Петрович, и займись вместе с Аликом Мамедовым – он дежурит сегодня. А ты, Ильин, смотайся в пансионат работников Гостелерадио и постарайся замять скандал, который на пустом месте сумел уже с утра пораньше создать этот же Мамедов. У отдыхающей там москвички украли на пляже одежду так после посещения Мамедова она уже дважды звонила начальнику отдела и требовала, чтобы юрмальская милиция не жизни ее учила, а занялась бы розыском ее вещей. А то очень скоро разные московские начальники начнут учить жизни юрмальских милиционеров. Или как-то так. Смысл, в общем, тебе понятен.

Ильин собрался было сказать все, что он думал «в связи и по поводу», и набрал уже воздуха в легкие, но глядя на и без того расстроенное лицо начальника, молча вышел. А не сказал он следующее: «Ну, совсем обалдели! Теперь я должен из-за этого хамоватого Мамедова идти под танки и «пасть» под Москвой, а Мамедов будет дораскрывать уже практически раскрытое убийство». А не сказал еще и потому, что подумал: не очень-то ему и хочется «дораскрывать» это убийство. Так что, может, все и к лучшему. Правда, лишь для него, Ильина, к лучшему.

Заявления от московской гостьи о пропаже ее вещей в дежурке не оказалось по той простой причине, что его пока и не было в природе. После непродолжительного, но, похоже, эмоционального объяснения с дежурным опером Мамедовым об обстоятельствах пропажи она совершила два поступка – указала тому на дверь и, дозвонившись до начальника отдела, указала ему на хамство подчиненного. То есть Ильину надлежало выполнить боевую задачу – заявление принять, эмоции погасить. И хорошо бы еще и сверхзадачу – принять заявление так, чтобы можно было отказать в возбуждении уголовного дела.

Ильин не стал говорить своему зеленому «Запорожцу», не любившему ночевать в гараже, что поедет он после пансионата домой, и тот завелся сразу. Пансионат был близко, и Тарас нисколько не запыхался. Злиться на то, что Гуляев его фактически отстранил от раскрытия убийства, Ильин уже не мог, но так как злиться хотелось очень-очень, то он стал злиться на руководство по другому поводу:

– Тоже мне, нашли психотерапевта, скандалы гасить! Мне бы самому сейчас к психотерапевту: и после этого Фрольцова с непонятной и не проходящей к нему то ли жалостью, то ли участием, да и после этих «тили-тили-тесто – жених и невеста!» с подарочком в виде трупа к свадьбе!

Найдя номер потерпевшей, Ильин постучался и, услышав «Входите!», вошел. Представился. Женщину звали Елена Андреевна. Ухоженная. Интересная. Возраст на вид определить Ильин не смог. Статная. С красивыми руками и линией плеч. Она стояла у кресла рядом со столиком, была немного напряжена и в упор рассматривала Ильина. Ильин улыбнулся, как можно искреннее и поинтересовался:

– Как вы разместились?

– Как я разместилась в пансионате? – переспросила Елена Андреевна, не ожидавшая такого вопроса – Спасибо, хорошо.

Женщина села в кресло, напряжение ее заметно спало, и она улыбнулась в ответ, указав на стул рядом:

– Да вы садитесь.

Затем Ильин расспрашивал ее о Москве, печалась, что пока нет никакой возможности снова там побывать. Елена Андреевна свой город любила, и ей был интересен и забавен рассказ Ильина о том, как на своем зеленом Тарасе он вместе с женой два года назад ездил в подмосковный пансионат МВД и как они «штурмовали» все фирменные магазины столицы, утоляя жажду дефицита. Любого. Елена Андре-

евна, в свою очередь, рассказала, что работает редактором программ, и поведала несколько занимательных случаев из трудовых буден коллег. Хоть Ильину на самом деле приятно было общаться с «московской гостьей», но минут через тридцать опер сказал, что «служба обязывает», и стал выяснять подробности утреннего происшествия на пляже.

– Да я думаю, у вас много таких случаев, – уже с долей самоиронии начала свой рассказ Елена Андреевна. – Бегаю я, видите ли, по утрам. По несколько километров. Чтобы быть в форме.

Ильин не преминул воспользоваться этим поводом для комплимента. Compliment был принят благосклонно.

– Стало быть, и в это утро – первое утро, я лишь накануне приехала, я и пошла на пляж. Одета я была в сарафан поверх купальника и специальные пляжные босоножки. Было и красивое китайское полотенце, чтобы вытереться после пробежки и купания. Я ведь «моржиха», и нынешние ваши плюс четырнадцать в море для меня в удовольствие. Полотенце, сарафан и босоножки я оставила на скамейке и побежала вдоль пляжа. Даже начавшийся мелкий дождик мне не помеха. Хорошо тут у вас – тихо, сосны, влажный морской воздух. Ни души на пляже в шесть утра. Расслабилась я, одним словом. Вернулась – на скамейке ничего нет. И никого

нет рядом. Так в купальнике и притопала в пансионат. И бо-
сиком. Как клуша, – с грустной улыбкой подытожила Елена
Андреевна.

Ильин смотрел на эту интересную, образованную женщи-
ну, слушал ее рассказ о злключениях в первый же день при-
езда в его город и понимал, что он уже и сам не различает:
то ли он проявляет искреннее участие и интерес к ее несча-
стью, то ли просто притворяется и лицедействует в рамках
своего ремесла. Притворяется, решая главную в такой ситу-
ации задачу, – суметь так принять заявление, чтобы не ве-
шать «темную» кражу на отдел.

Опер принял подробное заявление у Елены Андреевны, в
котором отразил самое существенное: дело было рано утром
и пляж был пустынен. Елена Андреевна, оставив одежду на
скамейке без присмотра, удалилась на большое расстояние
и потеряла из виду скамейку с вещами и по причине рассто-
яния, и по причине изгиба полосы пляжа. Когда же она вер-
нулась, спустя не менее получаса, то своих вещей на скамей-
ке не обнаружила. Далее стандартное: «Протокол заявления
с моих слов записан верно и мною прочитан».

– Елена Андреевна! – сказал Ильин. – Мы действитель-
но иногда раскрываем такие пляжные кражи. Но лишь ма-
лую их часть, и бывает это так: или сами отдыхающие ловят

пляжного вора и нам удастся разными способами получить от него признание в других его кражах. Или иначе – мы получаем разными путями информацию о воре и тогда пытаемся взять его с поличным, затем работаем, чтобы получить признание в других его кражах. Потом сверяем с имеющимися у нас материалами.

– Уверяю вас, все я понимаю, – Елена Андреевна опять улыбнулась и встала, прощаясь. – Но вы хоть поговорили со мной, а то этот, как его там, Магомедов, что ли...

– Мамедов, – поправил Ильин.

– Да не все ли равно! Главное, что он стал поучать меня. А то я сама не знаю, что сглупила!

Тут Елена Андреевна спародировала акцент и жестикуляцию Мамедова, и сделала это так мастерски, что Ильин прямо представил себе Алика в этой комнате и не смог сдержать улыбку.

Задание было Ильиным выполнено. Заявление с гарантированным последующим постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления было принято. Завтра нужно будет дополнить его двумя-тремя объяснениями случайных отдыхающих, ошалевших от бессмысленности вопросов: не видели ли они позавчера на пляже в шесть утра кого-нибудь подозрительного с женскими вещами в руках? И совсем уже

одуревших от настойчивых требований-просьб опера подписать бланк показаний под названием «Объяснение» с бессмысленным текстом, мол, «да», в смысле «нет» – не видели. Таковы правила. Все это складывалось в «материалы» по заявлению «гр-ки такой-то». Далее Ильин, рассмотрев «материалы», вынесет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с тем, что лицо, взявшее вещи Елены Андреевны, могло посчитать их бесхозными. Дело ведь в том, что Елена Андреевна удалилась на расстояние, не позволявшее видеть вещи, соответственно, и с места, где находились вещи, нельзя было видеть ее тоже. Вещи непонятно чьи! Находка!

События преступления нет.

Нет «темного» преступления, что и есть сверхзадача.

Ильин вышел из пансионата и остановился под деревом. Ему почему-то было стыдно за свое притворство перед Еленой Андреевной. Ведь сам Ильин знает, что он желал именно этого результата – найти повод «отказать материал», поэтому именно так и построил беседу с ней. И чем он тогда лучше того же Мамедова? Мамедов хотел того же, просто действовал неэффективно – ремеслом владел хуже.

«А что такое человек?» – задумался Ильин и присел на скамейку у входа. «Раз он не кирпичики в пустоте, то это на-

ши эмоции от поступков, своих и чужих, или еще тоньше – наши мысли и желания? Ведь как часто наши поступки не совпадают с нашими же мыслями, с желаниями» Не найдя ответа, он решил, что надо будет обсудить это при случае с мудрым Георгием Георгиевичем, и отправился к «Запорожцу».

Почувствовав, что хозяин явно не в духе, Тарас не стал противиться поездке домой и снова завелся сразу. А может, ему просто захотелось в гараж? Ведь за окном все опять посерело и пошел противный мелкий дождь, такой же, как и вчера. И позавчера. И всю неделю с небольшими перерывами.

Погоды не было. Ветра не было. Тепла не было. Холода не было. Лета не было. Природа хандрит. Хандрит и Ильин. А посему придумал, пока ехал, короткое четверостишие. Про хандру. Чтобы ее разогнать, заняв мысли сложением слов...

Хандра имеет цвет? Она имеет форму?

Есть запах у нее? Она рождает звук?

Глухонема она, бесформенная прорва!

И пахнет серой! И черно вокруг!

Глава третья

Следующий день подарил сапфировой синевы небо. Вся серость прошлой недели растворилась в дожде и за ночь пролилась вниз, на газоны и тротуары. Трава и листва были еще влажны и оттого зеленее зеленого, мокрый асфальт обрел благородный блеск, а воздух прозрачность.

Ильин встретил Петровича на этаже оперов.

– Слушай! – не сказав ни «здрасьте», ни «до свидания», начал Петрович. – А может, пойдем в народное хозяйство – не пропадем ведь?

– Это ты из-за вчерашнего боксера? Что-то не так?

– А что такое «так» и что такое «не так»? С одной стороны – все «так». Задержали, показания дал. Не отпирался, да и не собирался. А с другой стороны, все «не так»: начальник следствия дала указание следаку по делу – на трое суток отправить парня вниз, в «капэзуху». Чтобы закрепить доказательства. А я, когда показания принимал, парню обещал: мол, похлопочу, чтобы до суда он был на свободе... ну, и кто я после этого?

Петрович действительно был расстроен, он переживал и за парня, и за невозможность теперь уже влиять на процесс.

– А еще возьмет и арестует, да натянет на умышленное, чтобы показатели по убийствам поднять! Жених-то парень бесхитростный, его раскрутить на более тяжкий состав – раз плюнуть! – продолжал рассматривать негативные варианты развития событий Петрович.

– В таком случае мы ему организуем побег, – мрачно пошутил Ильин, чтобы отвлечь Петровича.

Шутка, очевидно, не удалась, и Петрович стал рассуждать о том, что жениха-боксера ведь в центральную тюрьму тогда переведут, а как оттуда? Но быстро сообразил, что сказано это было не всерьез. Прервал рассуждения на полуслове, сообщил Ильину, что тот придурок и – почему-то – лагерный. И ушел в зону следователей. Ильин пошел к себе.

«Черт, а ведь и вправду тут все будет зависеть от показаний самого жениха-боксера, его невесты и друга и... еще от того следователя, который будет стремиться повернуть дело так или эдак в соответствии с той или иной квалификацией состава преступления», – Ильин снова вернулся к вчерашним размышлениям о поступках и мыслях. А что движет следователем или опером... нормальным следователем или нормальным опером, когда они раскрывают преступления? Задав сам себе этот вопрос, опер вспомнил, что вот сегодня-то как раз опять дежурит Георгий Георгиевич, и от-

правился в дежурку.

Георгич занят не был. Дежурство принял и, как обычно, разгадывал кроссворд. Ильин тут же переадресовал свои сомнения Георгичу, глубокомысленно отметив, что вопрос не по горизонтали и не по вертикали. А вглубь. Или вширь – на усмотрение дежурного. Тот оторвался от кроссворда. Секундочку подумал, что-то явно прикидывая в уме. По лицу майора было видно, что сегодня у него не философское, а игривое настроение. И потому с ехидной улыбкой он сказал:

– Хорошо! Но только сэгодня будем использовать твою руку, а не мою, как прошлый раз, когда мы говорили о бoге. Я буду загибать тэбе пальцы на правой руке – с хорошими мотивами, а ты сам сэбе будешь загибать на лэвой, с плохими. Посмотрим, чэго больше!

Ильин с радостью согласился – Георгич как никто другой умел разрешить его сомнения. Нет! Не так – именно после бесед с Георгичем Ильин всегда сам разрешал свои сомнения. Большой, могучий Георгич был катализатором.. Во всяком случае, для Ильина.

– Итак, – начал Георгич. – Есть чувство служэния стране, закону, людям? Есть! – Сам на свой вопрос ответил Георгич. – С дэтства прививается!

Он загнул большой палец на правой руки Ильина.

– Есть жэвание восстановить справэделивость и защитить потерпэвшего? Как нэ быть? – указательный палец правой руки последовал за большим.

– Есть профессиональная гордость? Есть! – загнулся уже третий, средний палец.

– И что мы видим, Ильин? – подмигнув, спросил Георгич. – Кукиш мы видим! – сам же и ответил за Ильина. – Вся эта «профессиональная гордость» – это на лэвую руку, на лэвую. Это просто гордыня. И даже «чувство глубокого удовлетворения» от процесса и результата раскрытия, особо развитое у замполита, – у тебя это слэдствие азарта. Вот еще один пальчик на лэвой руке загни.

– Пока два–два! – улыбнулся Ильин.

– А больше и нэ будет. Потому что, по мнэ, – так и нэт больше. Опэром, следоватэлем движут четыре мотива: чувство долга, чувство сострадания, гордыня и азарт. Причем и бэз пальцев на лэвой руке ничего не получится – опэром быть не получится бэз гордыни и азарта, и вот об этом давай лучше поговорим.

– А валяйте! – тут же поддержал Ильин.

По тому, как обстоятельно стал устраиваться в своем кресле Георгич, даже развернув его к оперу, Ильин понял,

что озорное настроение Георгия Георгиевича в связи с важностью темы трансформировалось в философское. Ильин тоже приволок стул из коридора, сел поудобнее и уже приготовился к беседе... и может быть, он и получил бы ответы на многие свои вопросы, если бы не одно «но». Беседы с Георгиевичем имели два неизменных свойства – всегда они были Ильину интересны и всегда некстати прерывались. На этот раз вклинился Гуляев с сообщением, что уже даже и его телефон оборвал один из информаторов Ильина, разыскивая последнего.

В планах на сегодняшний вечер у Ильина была встреча с этим информатором, который второй день названивал и настаивал на личной встрече, отказываясь передать информацию по телефону. Ильин понимал, что столь горячее стремление к личной встрече объяснялось банальнейшим образом: изобретение Александра Белла не позволяло клянчить хоть какие-то денежки за информацию. Вернее, клянчить позволяло – не позволяло получать. А так как лишь второе обстоятельство в глазах информатора одухотворяло и наделяло смыслом их сотрудничество, то телефон превращал его в занятие бездуховное, практически безнравственное. Авторы учебников и наставлений по оперативно-розыскной деятельности почему-то придерживались иной точки зрения, считая, что наиболее ценными информаторами являются лица, которые свою цель в сотрудничестве с оперативными

подразделениями видят в искоренении преступности. Ильину с информаторами не везло. Как и всем остальным известным ему операм. Мотивы у разных информаторов были разные, но никогда мотивом не было желание искоренения. Ну, разве только где-то глубоко в душе...

Пришлось ехать сейчас же.

Информатор нервничал:

– Вот уже два дня вас дожидаясь! – в его голосе слышались одновременно и укор, и заискивание.

– Надеюсь, что-то очень важное? – деловито спросил Ильин.

– Так сами же просили сообщать, когда в районе кто-то новый появится, вот я трубку и оборвал.

А потом он поведал, что уже несколько раз встречал странного типа в районе станции Пумпури. Незнакомец показался ему «из судимых», и поэтому информатор решил с ним «потереть». Сумел разговорить. Тот действительно оказался ранее судимым. Из Литвы. Назвался Дариусом и сказал, что дома у него надзор после «отсидки», но есть причины, по которым он вынужден был уехать. Уехал сюда. В Латвию, в Юрмалу. Больше о себе ничего не рассказывает. Живет где-то в Пумпури, в пустующем пионерлагере. Вер-

нее, прячется. И живет там, похоже, уже давно. Месяца два. Может и больше.

– Он ненормальный. Псих, и опасный, я это чувствую. Глаза у него какие-то больные. Зыркает ими влево-вправо, а потом вдруг на тебя посмотрит, прямо как волк. И не поймешь – то ли он с тобой разговаривает, потому что тоскливо ему без людей жить и в огородах прятаться, то ли наоборот, люди ему мешают, и он тебе зубы заговаривает, чтобы незаметно на пику насадить. Опасный он, очень опасный. И он точно не в себе, чистый псих, на голову больной.

Из информатора удалось вытянуть еще, что Дариус часы продавал по дешевке, украл, наверное. Часы он называл женскими, хотя марки они «командирские». Псих, он псих и есть. Живет на то, что ворует по сараям и гаражам. Что стащит из инструмента, то продает строителям-шабашникам. Рассказывал о планах, что собирается тоже через неделю-другую отсюда уезжать, думает податься где потеплее. А для этого деньги нужны. Спрашивал какую-нибудь наводочку.

Ильин оформил необходимые бумаги и заплатил немного, пришлось из своих денег, так как в июне оперативные начальник еще не раздавал: последний месяц отчетного периода – берег. Сумма информатора не воодушевила, и он с

надеждой на прибавку вслед Ильину добавил: «А еще он говорит, что у него есть какие-то кроличьи шкуры, которые он сам выделал. А мясо съел...»

Ильин вышел, поблагодарив за информацию – больше денег он все равно дать не мог, поэтому продолжать известную байку о том, что «кролики – это не только ценный мех...», он не стал.

Польза от этого сообщения была. «Раскроем отмененный прокурором отказ о пропавших кроликах Антоненковой Людмилы Степановны и наверняка литовцам поможем, ищут ведь беглеца. Да и мало ли, что он там у них натворил?» – Ильин уже в кабинете составил запрос литовским коллегам об опасном психе по имени Дариус, сбжавшим от надзора милиции. А потом поболтал еще с пришедшим к нему в кабинет Петровичем, который сказал, что следователи не будут «натягивать» «убивцу» (он же «жених», он же – «боксер») умышленное и постараются развернуть все к аффекту, а поэтому нужно правильно поговорить с Настей, которая будет завтра у него на опросе, а потом, уже подготовленную, он отдаст ее следователям. Петрович так подробно все объяснял Ильину, хоть тот и оставался «придурком лагерным», потому что ему нужен учебник или по криминологии, или по судебной психиатрии, а лучше – оба. А учебники, они – только у придурошных оперов, уверен Петрович.

«Кому они еще нужны в практической работе», – поставил он жирную точку и взял с полки две книги. Видно было, что на фоне новостей от союзников – следственного отделения, к Петровичу вернулось его обычное состояние духа.

Ильин отдал Георгиевичу запрос о «литовце» и поехал на «оперативный простор». А простирался он от Меллужи до Вайвари, и без своевольного иногда Тараса Ильину в первый год работы было трудновато. Пришлось весь «простор» буквально исходить вдоль и поперек. Но ведь любая активность опера на обслуживаемой территории полезна! Так говаривал начальник отдела. А вот Гуляев любил конкретизировать, что именно двигательная активность для опера наиболее полезна. И настаивал на этом, когда еще молодой опер Ильин выпрашивал служебный автомобиль с водителем. И тогда, после многих часов непрерывной двигательной активности в любую погоду, придя домой после работы, Ильин засыпал, иногда даже и не коснувшись подушки, а еще на пути к ней. А в этот вечер он допоздна не мог заснуть – мозг пытался ухватить в потоке событий и информации что-то важное, но не замеченное, ускользнувшее, как пытаемся мы порой нащупать и зацепить краешек тонюсенькой прозрачной скотч-ленты на рулоне.

Уже практически ночью дежурная часть получила ответ из Литвы: Дариус Кярулис, 1947-го года рождения, ранее

судимый за разбойное нападение в группе и причинение тяжких телесных повреждений, разыскивается за совершение кражи личного имущества граждан и убийство. Кярулис опасен и психически неуравновешен.

И уже утром следующего дня двое литовских оперов сидели в кабинете у начальника розыска и вместе с ним и половиной состава уголовного розыска планировали мероприятия по обнаружению и задержанию Кярулиса.

Один из литовских оперов и помог Ильину понять, что же важное ускользало от его сознания вчера перед сном. Не тот, который трижды спрашивал разрешения позвонить домой со служебного телефона начальника розыска. А другой, который, комментируя ситуацию, пояснил юрмальчанам в шутку, что дома у его молодого коллеги жена – командир.

Гуляев очень удивился, когда Ильин сказал, что срочно должен проверить одну версию и просит не привлекать его к розыску и задержанию беглеца.

– Твоя же информация! – кипятился начальник. – Ты и реализуешь! Задержишь особо опасного!

И ехидно добавил: «Орден дадут. Ну, или благодарность, с премией...»

– Ага, дадут! Все сразу, – Ильин знал реалии: как бы вы-

говор не вlepили за то, что два месяца по нашим территориям шастает убийца, а мы ни сном, ни духом.

Ну, раз уверен – валяй! – выслушав доводы опера, смилостивился Гуляев.

Ильин поехал к Фрольцову. Леонид Семенович открыл дверь и впустил опера в дом. И он, и дом преобразились за эти две недели. И сам он стал похож на живого человека, и его дом стал больше похож на жилой. Тот самый запах почти выветрился. Видимо, майские дожди – живая вода – помогли, почему-то вспомнил ту грозу Ильин.

– Арестовывать приехали? Она... – Фрольцов осекся. – Тело всплыло?

– Ответьте на вопрос: были у вашей жены часы на руке, когда она пропала? – Ильин пододвинул к себе стул и сел, демонстрируя, что разговор надолго.

– А если вас так беспокоит вопрос часов, то тогда Тоня... тело... – опять запнулся Леонид Семенович. – В таком виде, что его не опознать? Так я понимаю? Ведь так? Только по часам на руке?

Фрольцов тоже сел. Он смотрел прямо на Ильина. Перемена за эти две недели в хозяине дома произошла очень заметная.

– И получается, если не опознать часы, а значит, и тело, то вам меня и не обвинить? И значит, вы, молодой человек, пришли сюда, чтобы я сам начал себя обвинять? – Фрольцов задавал вопросы не столько Ильину, хоть и смотрел ему в глаза, сколько самому себе.

– Леонид Семенович! – Ильин опять собрался давить. – Часы были «командирские»?

Давить не пришлось.

– Да! «Командирские», – очень спокойно и практически сразу ответил Фрольцов. – Она их берегла. Я подарил их ей десять лет назад, когда все еще было хорошо. В шутку. Она любила повторять, что в доме она командир. И берегла их. До последнего. И когда уже все разладилось, часы берегла. Носила. Прежние-то давно куда-то задевались.

Ильин теперь знал, что не убивал свою жену Фрольцов. И с Кярулисом он никак не связан, иначе бы это были бы спланированные действия и не уничтожал бы в этом случае лодку Фрольцов лишь полтора месяца спустя. И думает Фрольцов, что тело с часами на руке всплыло, и лишь сейчас всплыло, и думает, что часы у Ильина. Значит – не убивал.

– Хорошо, – так же спокойно продолжил Фрольцов, сидя на стуле. – Признаюсь. Я убил свою жену. Показывайте и ча-

сы, и тело. Я все опознаю. Вы же этого хотите?

– А лодку зачем спалили? – Ильин немного растерялся от неожиданного и явно ложного признания и спросил первое, что пришло в голову.

– А кровь там оставалась на досках днища, вот и спалил, – несколько даже дерзко, с вызовом, ответил Леонид Семенович.

Ильин уже не хотел ни давить, ни играть с Фрольцовым. Ему нужна была ясность.

– А врите зачем? – практически передразнивая собеседника, повторил его интонацию Ильин.

– Да не вру. Спалил потому, что кровь была. Сообразил, когда из больницы вышел, и в ту же ночь и спалил, а потом уже к вам пошел, – тут Фрольцов понял, что это он уже убеждает опера в том, что сам и убил жену. И теперь настала уже его очередь удивляться.

– А что вас не устраивает? Пришли арестовывать – арестовывайте! – Леонид Семенович повысил голос почти до крика. – Что вы за человек? Вы мне тогда душу мотали, когда я отрицал, так и сейчас мотаете, когда я признаюсь. Что вам надо, в конце-то концов?

Ильин понял. Понял, что ему надо на самом деле и что его не устраивало во всей этой истории с самого начала и

не давало покоя. Это необычное расхождение в поведении и сути рассказа Леонида Семеновича. Он был таким типичным убийцей-саморазоблачителем. Настоящий убийца, рассказывая о пропаже и о своих поступках, старался бы скрыть признаки причастности к убийству. Фрольцов же сделал все с точностью до наоборот. Он очень мало рассказал о пропавшей, но достаточно много наговорил о своем поведении и поступках такого, что практически не оставляло сомнений в его виновности. Да и не только наговорил, но и наделал – чего стоит непонятное исчезновение гири и странный поджог лодки.

– Что мне надо, в конце концов? – медленно повторил опер вопрос Леонида Семеновича. – Да все просто – теперь я знаю, что вы не убивали жену, и знаю, что вы вините себя в том, чего не делали. Вините искренне. Вот в чем странность.

– Странность? Странность, вы говорите?! – снова перешел почти на крик Фрольцов, и Ильин понял, что нашел правильное слово, чтобы заставить Леонида Семеновича объясниться. Кому охота, когда его мучительные переживания определяют просто как «странность», низводя практически до уровня обыкновенного чудачества, почти забавного?

– Да что ты понимаешь! – перешел на «ты» Фрольцов, вскочив со стула. – Вот скажи, старлей, – Леонид Семенович говорил быстро и громко, меряя шагами небольшое пространство комнаты. – Убийство – это когда? Вот когда уже

решил, что надо убить, но еще не убил? Это уже ты стал убийцей? Ну вот, например, ты решил ударить меня молотком по башке, чтобы убить. И замахнулся уже, и рука пошла, но вот встретил ты мои глаза, мой взгляд и остановил руку. Вот не смог. Ты не смог. Рука не смогла. А все доделала физика – слетел молоток с рукоятки и хрясь мне в башку!

Леонид Семенович остановился, представляя себе эту картину. Глаза его смотрели мимо Ильина – туда, где должна была остановиться рука опера с рукояткой без молотка.

– Ты понимаешь, старлей... – продолжил Леонид Семенович уже негромко и снова сел. – Убийца ты – как только решил, что убьешь, когда подумал. Даже если и остановил руку.

Фрольцов снова замолчал. Ясно было, что больше он врать не станет, и Ильин повторил:

– И все-таки вы не убили. Убийцу – а жена ваша, видимо, убита – мы знаем. Расскажите, как было на самом деле.

Леонид Семенович рассказал. Снова плакал, обессилен от переживаний, страха, стыда и раскаяния. Плакал и рассказывал, что жить вместе уже было невозможно. Что пили постоянно и при этом оба чувствовали: погибают. Не физиче-

ски, а как личности. И развязать этот узел никак не могли. Они пили, опускаясь все ниже, скандалили, иногда пытались выкарабкаться, но не было у них сил уже на это. А так как дружны уже не были, то и не могли вместе справиться с этой бедой, и падение одного лишь вело к еще более глубокому падению другого. Скандалы были по любому поводу, и жена Леонида Семеновича все чаще их провоцировала. Провоцировала подсознательно. Он понимал, что она не хочет такой жизни, понимал, что смелости и воли добровольно умереть у нее не было; и изводила, и оскорбляла, и унижала она Леонида Семеновича, в глубине души ожидая трагической развязки. И не без оснований. Он несколько раз поднимал на нее руку – не стерпев унижений, да и по «пьяному делу» к тому же. И в тот вечер и она, и он были пьяны. Она опять затеяла скандал на излюбленную тему: разве он мужик? А он ее ударил, и несколько раз. И пошла у нее кровь ручьем из разбитого носа. Сильно пошла. А жена кричала, что он все равно не мужик – убить даже не может, что трус и ничтожество. И он кричал в ответ. Кричал, что может. Схватил молоток, тот почему-то в комнате на столе валялся, и хотел уже ударить, чтобы одним махом развязать все. Чтобы конец пришел всему... Но не смог. Глаза ее увидел, а там испуг. Страх. Живое чувство увидел, впервые, может, за год или два. И он руку опустил. Сел на пол – да упал почти – и помнит, как завыл от жалости и к себе, и к ней, а главное – от бессилия что-то изменить.

Ильин молчал, но Леонид Семенович, словно бы опер просил его рассказывать, что было дальше, продолжал:

– А дальше я помню, что жена вытерла кровь на лице скатертью со стола, бросила ее на окровавленный пол и сказала, что пойдет и утопится. И ушла. И не вернулась. Утром, когда проснулся, то ждал ее еще день, а на второй день решил, что она и в самом деле утопилась. Я пил все дни тогда и плохо соображал. И через пару дней решил, что тело всплывет, а у меня кровь и на полу, и на скатерти. А она со следами побоев. Решат, что убил и труп выбросил в реку. Я все помыл и придумал скатерть и тряпки утопить. Вот и решил завернуть в них гирю пудовую, обвязать веревками и в темноте с лодки это все и бросить в реку. Так и сделал. И пил, и пил, и пил. По пьянке все и делал. На девятый день решил и сам утопиться. Не соображал ничего – меня и подобрали. Там, в психбольнице, подлечили, и я испугался, что в лодке на днище могут быть следы крови – тряпки, которыми я вымыл пол, и скатерть были сильно испачканы кровью. Хоть и засохла она уже, но днище было мокрое. Доски могли впитать кровь. Ну, а остальное вы знаете.

– Думаю, что знаю, – ответил Ильин. И спросил: – А куда могла пойти ваша жена... – не зная, как корректно этот вопрос закончить, Ильин перефразировал: – Где выход к реке у вас?

– Практически только один – к лодкам, для этого надо выйти на улицу и пройти метров тридцать прямо, а потом свернуть к дому той соседки, у которой инструменты из сарая украли в ту же ночь. Мимо дома дорожка к лодкам и идет.

– Еще один вопрос! Часы сможете опознать? – Ильин решил не тратить время на оформление бумаг и попросил Леонида Семеновича написать все рассказанное собственноручно и принести в отдел милиции.

Да конечно, опознаю, если они в том же виде сегодня. Там и стекло немножко поцарапано, и на корпусе есть царапинки. Опознаю, не беспокойтесь.

Разрозненная мозаика событий сложилась в общую картину. Нетрезвая, побитая мужем, ищущая смерти Антонина Александровна вышла ночью с 24-го на 25-е марта из дома, чтобы свести счеты с жизнью. Способ, избранный ею для этого последнего в своей жизни поступка, подразумевал и некоторую прогулку до реки. А чтобы добраться до воды, не переломав ног, нужно было пройти мимо дома, в сарае которого в это же время орудовал опасный псих и убийца Дариус Кярулис...

Ильин ехал в отдел и размышлял.

Ни Кярулис, ни Фрольцова этой встречи не искали, од-

нако она произошла. Случайно? Все незапланированные встречи случайны. А вероятность любой случайности, происходящей в материальном мире, вычисляется математикой. Раздел есть такой – комбинаторика. И какова же вероятность такой встречи, и сколько событий последовательно и неизбежно должно произойти, чтобы она состоялась? И событий не просто механических – не просто передвижений в пространстве и во времени двух людей. Ведь эти их механические передвижения были лишь следствием принимаемых ими решений. А значит, лишь следствием эмоций, переживаний, мыслей! И получается тогда, что именно мысли, эмоции Кярулиса и Фрольцовой – то, что и есть суть человека, и то, ради чего лишь он приходит в мир – и предопределили эту встречу на самом деле! А вероятность этой встречи, если комбинаторике верить, – никакая, невероятная и все. Но если совершено преступление, то жертва всегда встречается с преступником, значит, не про людей она – комбинаторика.

«Без Георгича не разобраться», – именно к этому выводу в результате пришел Ильин и решил, что лучше просто будет дальше свою оперскую работу работать.

К середине дня Кярулиса задержали. Обошлось это уже без Ильина, но начальнику розыска свою версию об убийстве Кярулисом Фрольцовой он уже доложил. Обнаружили преступника там же, где виделся с ним информатор – в райо-

не станции Пумпури. Гуляев обещал Ильину, что попытается выхлопотать для него премию, если, конечно, не заставят объявить всем выговор, и рассказал, что прятался Кярулис в пустующих пока корпусах пионерского лагеря неподалеку от станции. Там же нашли и шкурки от кроликов, и всяческие украденные отовсюду вещи, а также и инструменты строительные, и те самые часы.

Отпираться Кярулис не стал и довольно быстро признался в убийстве, как он сказал «пьяной бабы, с разбитой мордой, бомжихи, наверное», которая увидела, как он перелезал через забор одного из домов в Пумпури. Он там из сарая как раз украл электролобзик. Собственно об убийстве рассказал следующее:

– А она шла – как ничего не видела – я почти ей на голову свалился с этого забора, вот чтобы не закричала, и придумал. Оказалось – насмерть. А она даже и не сопротивлялась. Дурная какая-то...

Труп оттащил в сторону метров на сто, часы с руки снял – «Командирские» называются. Бомжиха их сама где-нибудь украла, наверное. Сходил за лопатой к себе в пионерский лагерь и труп закопал.

Закончил повествование начальник следующим – Кяру-

лис обещал ничего не отрицать. И следователю даст показания, и на суде все подтвердит, и место покажет, и тело откопает сам... если опера обеспечат ему перед этим выездом на природу десять пачек «Примы» в камеру и покормят из ресторана какого-нибудь юрмальского. Котлету по-киевски хочет...

Ильин пошел в свой кабинет. Отвращения к Кярулису не было. Опер уже по привычке к животной дикости таких персонажей, хотя котлета по-киевски была уже и несколько... чересчур. В голове роились те же мысли – если встреча Кярулиса и Антонины Александровны была предначертана их мыслями и поступками, то с какого момента в мире который не примитивно материален она стала неизбежной? В какой момент была пройдена точка невозврата? И как суметь ее увидеть и распознать, чтобы вовремя остановиться?

Проходя по коридору, он увидел сидевшую на стуле напротив кабинета Петровича девушку. Вернее, сначала он услышал ее рыдания и лишь потом, завернув за небольшой изгиб коридора, увидел. Девушка плакала навзрыд, зажав в кулачке скомканный и мокрый от слез носовой платок, пряча личико кулачках. Ильин догадался – невеста боксера. Ведь сегодня же к Петровичу она должна прийти! И первое, что он подумал: «Неужели все-таки решили арестовать?» А что еще подумать в такой ситуации? И сказал, обращаясь к ры-

дающей девушке: «Настя! Вас ведь Настя зовут? Давайте я вам стакан воды принесу». Настя посмотрела на него зареванными, но почему-то совершенно счастливыми глазами и, всхлипывая, не в силах остановить рыдания и говорить, лишь согласно кивала. Ничего не понимающий Ильин принес ей воды и зашел в кабинет к Петровичу прояснить ситуацию.

– Поработаем еще, поработаем! – повторял Петрович сам себе, а потом и обращаясь к Ильину. – Ведь так, старичок?

Петрович пребывал в состоянии радостного возбуждения: потирал руки и подмигивал Ильину.

– С ума все походили тут без меня, что ли? Объясни что случилось-то! Чего это невеста счастливая, да и ты не в себе? – Ильину и вправду казалось, что это какой-то розыгрыш: и Настя подставная, да и Петрович не настоящий.

– А ты не знаешь? – радостно удивился человек, внешне похожий на Петровича. – Так ведь экспертизу получили по результатам вскрытия убиенного у скамейки. Нет, умершего! – поправился тот же тип из кабинета Петровича, крайне похожий на него:

– Так вот, старичок. Умерший умер не от удара. У него болезнь какая-то в мозгу была. И после удара, при падении на

траву, у него в голове что-то то ли оторвалось, то ли прилипло. Одним словом, помереть он мог в любую минуту, просто резко повернув голову. А удар – лишь «легкий телесняк». И ничего больше в такой ситуации нашему боксеру вменить не могут. Так как таких последствий он никак не мог предвидеть. Результат – невеста в слезах от счастья, как и положено невесте, жених покидает «капэзуху» и получает вещички в дежурке, а мы с тобой за это выпьем... Но на твои.

Последние слова монолога не оставляли сомнений в том, что перед Ильиным в кабинете Петровича был не кто-то в облике Петровича, а он сам, своей собственной персоной. Потому что достичь такой степени достоверности вживания в образ невозможно.

Уже не абсолютно трезвый Ильин поздно вечером, выйдя из отдела, подошел к своему верному соратнику по борьбе с преступностью – зеленому «запорожцу» и заявил ему, что до завтра у Тараса выходной, а он поедет домой на городском автобусе вместе с Петровичем по понятной и вполне уважительной причине. Потом, немного помедлив и посоветовавшись с подошедшим Петровичем, пребывающим в той же кондиции, опер решил объявить «запорожцу» благодарность за службу. От себя, Петровича и начальника розыска. Что и сделал перед крайне малочисленным, но несмотря на это, не совсем ровным строем в исполнении Петровича, хотя

тот и старался.

Ильин всегда предполагал, что его зеленый боевой соратник не был примитивно материален, а потому и не сильно удивился, когда польщенный Тарас, выслушав благодарность перед строем, слегка зарделся. А может, это просто был отблеск вдруг вспыхнувшей красным неонов световой вывески на соседнем магазине?

Дома, уже за полночь, Ильин вспомнил счастливые глаза зареванной невесты Леши-боксеря. Вспомнил и придумал стишок.

День спрятался, растаял и исчез.
В театре суток – смена декораций.
На сцене вечер – одинокий бес,
Меня он манит, хочет побрататься.

«Наплюй на всех, переступи, сотри» -
Он шепчет: «Нет людей, одни лишь маски».

Я вижу лица – Бес, ты мне не ври!

«Да! Лица есть – одно-два, может, три.
Навряд ли больше, сколько ни смотри –
Лишь масок невеселый карнавал...»

А ведь, придя Сюда, – ты Рая ждал?
Здесь Рая нет. И после дня здесь – вечер,
И ночь потом... И душу тьма калечит...»

Пошел ты к черту!
Старый, лживый бес.
И даже ради стольких лиц
наступит утро!
И милосердный Бог
сойдет с небес...
Устроить все
Светло, красиво, мудро!